Подвал

Автор:
Наташа Престон

Подвал

Наташа Престон

#YoungThriller

Лонг-Торп живет скучной жизнью провинциального городка, пока внезапное исчезновение шестнадцатилетней Саммер Робисон не вносит хаос в его размеренное существование. На поиски девушки брошены все силы: полиция и горожане день за днем прочесывают Лонг-Торп и окрестности. Но таинственный похититель не оставил ни единой зацепки, и шансы найти ее живой с каждым днем все меньше.

В то время как парень Саммер, Льюис, не оставляет попыток ее отыскать, девушку насильно удерживает незнакомец, который таким странным способом хочет обрести семью и, по его собственным словам, – сделать ее жизнь лучше. И на пути к своей цели не остановится ни перед чем. Сколько человек должно погибнуть, чтобы воплотить фантазии безумца? И какую цену заплатит Саммер, если откажется играть предложенную роль?

Наташа Престон

Подвал

Моему жениху Джозефу

1

Саммер

Суббота, 24 июля (настоящее время)

Я посмотрела в окно спальни: еще один унылый день английского лета. Июль, но из-за тяжелых облаков на улице совсем сумрачно. Хотя даже это не могло меня огорчить. Я собиралась на вечеринку по случаю окончания учебного года – там будет выступать школьная группа, и я настроилась повеселиться.

– Эй, во сколько уходишь? – Льюис вошел, как всегда, без стука и сел на кровать. Да и зачем церемонии, мы ведь вместе уже больше года. Правда, иногда я скучаю по тем временам, когда он стеснялся сообщать мне по телефону, что ему надо в туалет, или собирал грязное белье до моего прихода. Мама права: чем дольше ты с мужчиной, тем больше он себе позволяет. Но я не хотела перевоспитывать Льюиса. Надо принимать любимого таким, какой он есть, поэтому я смирилась с его неряшливостью.

Я пожала плечами и взглянула в зеркало. Волосы у меня тонкие, тусклые и вечно выглядят не так, как надо. Даже не получается по-модному их взлохматить, хотя женские журналы пишут, что «пошаговое создание прически а-ля только что из постели» – это совсем просто.

– Через минуту, – ответила я Льюису. – Скажи только, как я выгляжу?

Уверенность в себе – вот что самое привлекательное в человеке. А если ее нет? Невозможно сыграть ее так, чтобы тебя не раскусили. Я не красотка модель и не соблазнительная девушка из «Плейбоя», и нельзя сказать, что уверенности в себе у меня хоть отбавляй. В сущности, мне ужасно повезло с Льюисом: он как будто не замечает, что я совершенно обычная девушка.

Он усмехнулся и закатил глаза, как бы говоря: ну, пошло-поехало, опять та же песня. Поначалу мои комплексы его раздражали, но теперь, по-моему, только забавляют.

– Между прочим, я тебя вижу, – я недовольно взглянула на его отражение в зеркале.

– Прекрасно выглядишь. Как и всегда, – ответил он. – Может, все-таки подвезти тебя?

Я вздохнула. Опять он за свое. Клуб, где должна состояться вечеринка, едва ли в двух минутах от нашего дома. Я столько раз туда ходила, что добралась бы и с завязанными глазами.

– Нет, спасибо. Лучше пройдусь. А ты когда выезжаешь?

Он пожал плечами и поджал губы – это его выражение лица мне очень нравилось.

– Как только твой ленивый братец соберется. Ты не передумала? Мы можем подбросить тебя по дороге.

– Нет-нет, не надо, серьезно! Я выхожу прямо сейчас, а ты, если будешь ждать Генри, выедешь еще нескоро.

– Не ходила бы ты одна по вечерам, Сам.

Я снова вздохнула, на этот раз глубже, и бросила щетку для волос на полку у зеркала.

– Льюис, я хожу одна много лет! Каждый день в школу и обратно. И то же самое будет в следующем учебном году! Эти ноги, – я шлепнула себя по бедрам, – еще хоть куда!

Он перевел взгляд на мои ноги, и его голубые глаза загорелись.

– Это точно…

Я улыбнулась, толкнула его обратно на кровать и села к нему на колени.

– Давай-ка ты прекратишь изображать парня, чрезвычайно озабоченного моей безопасностью. Лучше поцелуй меня, – Льюис усмехнулся, и наши губы встретились.

Мы встречаемся уже полтора года, но от его поцелуев у меня до сих пор замирает сердце. Я обратила на него внимание еще совсем девочкой, в одиннадцать лет. Вместе с моим старшим братом Генри он заходил к нам каждую неделю и оставался, пока его мама не возвращалась с работы. Тогда я считала это всего лишь глупой влюбленностью – в то время я была влюблена еще и в рэпера Ашера – и не придавала ей большого значения. Но прошло четыре года, при встрече с Льюисом меня все так же бросало в дрожь, и я поняла: кажется, это серьезно.

– Фу, какие вы оба гадкие, – послышался низкий насмешливый голос.

Я мигом отстранилась от Льюиса и сердито уставилась на вошедшего в комнату брата.

– Заткнись, Генри!

– Заткнись, Саммер, – парировал он.

– Невозможно поверить, что тебе восемнадцать.

– Заткнись, Саммер, – повторил он.

– Как бы там ни было, я ухожу, – я легонько оттолкнула Льюиса, поцеловала его напоследок и выскользнула из комнаты.

– Идиотка, – пробормотал Генри.

«Инфантильный дурак», – подумала я. На самом деле мы с ним ладим – большей частью. Да что там: о лучшем старшем брате нельзя и мечтать. Но иногда он ужасно меня бесит. Не сомневаюсь, пока мы живы, так и будем ругаться.

– Саммер, ты уже уходишь на вечеринку? – крикнула мама из кухни.

Нет, просто открыла дверь шутки ради!

– Да, мама, уже ухожу.

– Будь осторожна, милая, – предупредил отец.

– Конечно. Пока, – ответила я и торопливо, пока не успели остановить, вынырнула за дверь. Дома ко мне относились так, будто я учусь в начальной школе и не могу ходить по улице одна. Хотя наш городок, наверное, – да нет, точно – самое скучное место на земле. Здесь никогда не происходит ничего интересного.

Самое волнующее событие случилось два года назад: пропала старая миссис Хеллманн – фамилия как название известной марки майонеза. И уже через несколько часов нашлась на овечьем пастбище. Она там искала покойного мужа, пока весь город разыскивал ее. До сих пор помню, как все воодушевились: наконец хоть что-то произошло!

По знакомой улице я направилась к началу тропинки, ведущей вдоль кладбища. Это единственный участок дороги, где я не люблю ходить в одиночку. Кладбище. Здесь и правда страшновато, особенно если никого нет рядом. Я озиралась, стараясь, чтобы со стороны это было незаметно. Кладбище осталось позади, но мне почему-то все еще было не по себе. Мы переехали в этот район, когда мне было пять, и я всегда чувствовала себя здесь в безопасности. Детство прошло в играх со сверстниками на улице, а повзрослев, я проводила время в парке или в клубе. Я знала город и здешних жителей как свои пять пальцев, но кладбище всегда наводило на меня страх.

Запахнув поплотнее куртку, я прибавила шагу. Клуб уже за следующим поворотом. С опаской я снова оглянулась через плечо и ахнула: из-за живой изгороди вышел человек.

– Извини, дорогая, я тебя напугал?

Это же старый Гарольд Дейн. Я вздохнула с облегчением и помотала головой:

– Нет-нет, все в порядке.

Старик поднял увесистый черный мешок и, крякнув, как штангист, швырнул его в мусорный бак. Лицо Дейна покрывали морщины и складки обвисшей кожи. Он был очень худой и, казалось, сломается пополам, если согнется.

– Идешь на танцы?

Странное слово меня рассмешило. Танцы! Ха-ха! Видимо, так это называлось в юности Дейна.

– Да. Встречаюсь там с друзьями.

– Ну, хорошего тебе вечера, но смотри, что пьешь. Никогда не знаешь, чего ждать от нынешних парней. Мало ли что могут подсыпать в бокал симпатичной девушке, – сказал он так серьезно, как будто речь шла о скандалах года и каждый парень-подросток непременно должен был изнасиловать девушку на свидании.

Я рассмеялась и помахала ему.

– Буду осторожна. Приятного вам вечера.

– И тебе приятного вечера, дорогая.

От дома Гарольда до клуба рукой подать. У входа я наконец расслабилась. Из-за предостережений родителей и Льюиса я начала пугаться каждого шороха – глупость какая-то! Уже возле двери кто-то схватил меня сзади за локоть, и я, вздрогнув от страха, обернулась. Это была моя подруга Керри: смотрит и смеется над моим испугом. Да уж. Очень смешно.

– Ну прости, – сказала она наконец. – Ты Рейчел не видела?

Передо мной стоял не Фредди Крюгер и даже не героиня фильма «Крик». Участившееся сердцебиение постепенно возвращалось к норме.

– Я еще никого не видела, только пришла.

– Черт! Она убежала после очередной ссоры со своим придурком, и телефон выключен!

Ну вот опять. Рейчел то сходилась, то расходилась со своим парнем, Джеком. Я никогда этого не понимала. Если вы почти все время выводите друг друга из себя, может, стоит перестать встречаться?

– Надо ее найти.

Зачем? Я шла сюда повеселиться с друзьями, а не искать девчонку, которой давно пора бросить своего явно неподходящего парня. Вздохнув, я смирилась с неизбежным.

– Ладно. Куда она пошла?

Керри уныло посмотрела на меня.

– Если бы я знала, Саммер…

Я вздохнула и потянула ее за руку к дороге.

– Ну хорошо. Я пойду налево, ты – направо.

Керри махнула мне на прощание и повернула направо. С улыбкой проводив ее взглядом, я двинулась влево. Хорошо бы Рейчел оказалась неподалеку.

Я пересекла поле для спортивных игр, направляясь к калитке в дальней его части: хотела убедиться, что Рейчел не пошла к дому короткой дорогой. Стало прохладней, и, чтобы согреть руки, я терла ладони друг о друга. По словам Керри, телефон у Рейчел выключен, но я попробовала позвонить и, естественно, попала на автоответчик. Если она не хочет ни с кем разговаривать, тогда зачем мы ее ищем?

Я оставила неуклюжее голосовое сообщение – терпеть их не могу – и прошла через калитку к пандусу, где обычно тренировались роллеры. Рваные облака неслись по небу, стягиваясь в серый круг. Легкий прохладный ветер дул навстречу, бросая мне в лицо волосы цвета меда, – так говорила Рейчел,

мечтающая стать парикмахером. Меня почему-то пробирала дрожь.

– Лилия, – послышался позади незнакомый низкий голос. Я повернулась и попятилась, увидев высокого темноволосого мужчину. Сердце замерло. Какого черта он прячется здесь, среди деревьев? Он стоял так близко, что я видела довольную ухмылку и прическу, нисколько не пострадавшую от ветра. Сколько же лака для волос он на себя вылил? Не будь я так ошеломлена, спросила бы, каким средством он пользуется, потому что на мои волосы ничто и никогда не действовало так, как обещала инструкция по применению.

– Лилия, – повторил он.

– Нет. Извините, – я сделала еще шаг назад и посмотрела по сторонам в тщетной надежде обнаружить неподалеку кого-нибудь из друзей. – Я не Лилия, – пробормотала я, приосанилась и попыталась посмотреть на него снизу вверх с уверенностью в себе. Он высился надо мной, не сводя с меня темных глаз, от взгляда которых бросало в дрожь.

Потом он покачал головой.

– Нет. Ты – Лилия.

– Меня зовут Саммер. Вы ошиблись. – Ну и ублюдок!

В висках у меня стучало. Глупо было называть ему мое имя. Он неотрывно смотрел на меня, и от этого мне стало нехорошо. С чего он взял, что я Лилия? Может, я просто похожа на его дочку или какую-нибудь знакомую? Хотелось надеяться, что передо мной не маньяк.

Я сделала еще шаг назад и прикинула, куда в случае необходимости бежать. Парк большой, мы в самой дальней его части перед деревьями. Здесь нас никто не увидит. От этой мысли слезы подступили к глазам. И зачем я пошла сюда одна? Захотелось заорать на себя за такую глупость.

– Ты – Лилия, – повторил он.

Не успела я и глазом моргнуть, как он схватил меня. Я пыталась закричать, но он зажал мне ладонью рот. Какого черта он делает? Я молотила его руками, изо всех сил стараясь вырваться. О боже, он собирается меня убить! Из глаз хлынули слезы, сердце бешено колотилось, в кончиках пальцев покалывало, в животе что-то сжалось от страха. Я умру. Он собирается меня убить.

Этот помешанный на Лилии маньяк рванул меня на себя с такой силой, что при столкновении с ним воздух вырвался у меня из легких. Потом он развернул меня так, что моя спина оказалась плотно прижатой к его груди. Одной рукой он зажимал мне нос и рот, дышать было нечем. Я не могла двинуться, то ли оттого, что он так крепко меня стиснул, то ли от страха. Он держал меня и мог делать что хочет, а я не могла и пальцем пошевелить.

Мой похититель провел меня через ворота в задней ограде парка и затем через поле. Я снова попыталась позвать на помощь, но он по-прежнему зажимал мне рот и нос, все повторяя «Лилия», и тянул меня к белому фургону. Я видела, как мимо нас движутся деревья, как над нами пролетают и садятся на ветви птицы. Все как обычно. О боже, надо вырваться. Я уперлась ногами в землю и завопила изо всех сил, так, что сразу заболело горло. Но и это было бесполезно: никто, кроме птиц, не мог меня услышать.

Он отвел руку назад и надавил мне на живот. От боли выступили слезы. Он отпустил меня одной рукой, чтобы открыть дверь фургона, и я сразу стала звать на помощь.

– Заткнись! – крикнул он, заталкивая меня внутрь. Упираясь, я ударилась головой о край дверного проема.

– Пожалуйста, отпустите меня. Пожалуйста. Я не Лилия. Пожалуйста, – умоляла я, схватившись за голову, в которой пульсировала боль. Меня трясло от страха, я хватала ртом воздух, отчаявшись вдохнуть.

Ноздри у него раздувались, зрачки расширились.

– У тебя кровь идет. Вытри. Живо, – прорычал он угрожающим тоном, от которого я задрожала, дал мне салфетку и дезинфицирующее средство. Это еще зачем? Я была так напугана и растеряна, что едва могла пошевелиться. – Вытри сейчас же! – закричал он, и я вся сжалась.

Я приложила салфетку к голове и вытерла кровь. Руки так дрожали, что, выдавливая на ладонь дезинфицирующую жидкость, я едва ее не разлила. Приложила к ране и втерла. Так щипало, что я стиснула зубы и поморщилась. Мой похититель, тяжело дыша, внимательно следил за мной с явным отвращением. Что, черт возьми, происходит в его голове?

Глаза у меня наполнились слезами, они потекли по щекам, и я перестала видеть окружающее. Он взял салфетку, стараясь не прикасаться к окровавленной части, и бросил ее в пластиковый пакет, который засунул себе в карман. Потом протер руки дезинфицирующей жидкостью. Я в ужасе следила за ним. Сердце колотилось о грудную клетку. Неужели все это происходит на самом деле?

– Отдай мне телефон, Лилия, – спокойно проговорил он, протянув руку. Я заплакала еще сильнее, сунула руку в карман, достала телефон и отдала ему. – Хорошая девочка. – Он захлопнул дверцу фургона, я оказалась в темноте. Нет! Я стала кричать и колотить в дверь. Затем послышался шум работающего двигателя, и фургон, покачиваясь, тронулся. Этот человек куда-то меня везет. Что он со мной сделает?

– Помогите, пожалуйста! – кричала я, колотя в заднюю дверь кулаками. Бесполезно. Дверь не сдвинуть ни в одном направлении, и все же надо попробовать. Всякий раз, как фургон поворачивал, я валилась на его стенку, но поднималась, продолжала звать на помощь и колотить по двери. Я тяжело дышала и хватала ртом воздух, который, казалось, не поступал в легкие.

Фургон продолжал движение, с каждой секундой надежда выбраться из него таяла. Мне предстоит умереть. Наконец фургон остановился, и я замерла. Вот оно. Здесь он меня убьет.

Я прислушалась, рассчитывая услышать шелест гравия у него под ногами. Через несколько секунд невыносимого ожидания дверь распахнулась, и я заскулила. Хотела что-то сказать, но голос как будто пропал. Похититель улыбнулся и, прежде чем я успела отскочить вглубь фургона, схватил меня за руку. Мы находились бог знает где. В конце вымощенной камнем дорожки – окруженный высокими кустами и деревьями большой дом из красного кирпича. Кто тут меня отыщет?! Вокруг я не заметила ничего знакомого. Дорога выглядит как любая другая проселочная дорога в окрестностях нашего городка.

Я понятия не имела, куда он меня завез.

Человек вытащил меня из фургона и подтолкнул к дому. Я пыталась упираться, но он был слишком силен. Я громко закричала в последней попытке позвать на помощь, и он на этот раз не мешал мне, что было еще страшнее: по-видимому, он знал, что здесь меня никто не услышит.

Готовясь к смерти и ко всему, что он собирается со мной сделать, я снова и снова повторяла про себя: «Я люблю тебя, Льюис». Сердце замирало. Что нужно этому человеку? Мне пришлось войти с ним в парадную дверь и пройти по длинному коридору. Я старалась запоминать цвет стен и расположение дверей на случай побега, но от ужаса в голове все путалось. Я знала только, что в коридоре светло и тепло – я ожидала совсем другого. Кровь застыла в жилах: он впился мне в предплечье, оставив на коже по углублению от каждого пальца.

Он толкнул меня вперед, и я всем телом ударилась о зеленовато-голубую стену. Сжалась в углу, дрожа и молясь про себя, чтобы он вдруг передумал и отпустил меня.

«Делай, что он тебе говорит», – повторяла я себе. Если удастся сохранить спокойствие, может, я смогу заговорить с ним и убедить его отпустить меня. Или представится случай бежать.

Слегка крякнув, он отодвинул от стены книжный шкаф высотой по плечи. Показалась дверная ручка. Он повернул ее, распахнул потайную дверь, и я ахнула, увидев за ней уходящую вниз деревянную лестницу. Все вокруг поплыло. Там, внизу, он собирается сделать со мной то, что задумал. Я представила себе грязный захламленный подвал с деревянным операционным столом, подносы с режущими инструментами и покрытую плесенью раковину.

Тут ко мне вернулся голос, и я снова закричала, не обращая внимания на боль в горле.

– Нет, нет! – кричала я снова и снова что было мочи. Грудь вздымалась, я хватала ртом воздух. Это сон. Это сон. Это сон. Это сон.

Крепко обхватив, похититель без труда поволок меня за собой, хоть я и молотила руками, пытаясь его ударить. Казалось, я для него невесома. Он

подтащил меня к узкой стене напротив двери. Часть штукатурки на ней осыпалась, обнажив кирпичную кладку. Потом снова схватил за руку, сжал сильнее и заставил спуститься вниз на несколько ступенек. Я стояла неподвижно на лестнице, оцепенев от потрясения и не вполне понимая, что происходит.

Передо мной была просторная гостиная со стенами, выкрашенными в удивительно приятный светло-голубой цвет – слишком приятный для помещения, где маньяк терзает свои жертвы. В одном конце – кухонька, напротив – три деревянные двери. В центре стоит телевизор, перед ним – два коричневых кожаных дивана и кресло. Я была потрясена такой обстановкой, но одновременно испытала и некоторое облегчение.

Нет, это совсем непохоже на подвал. Слишком уж чисто, все предметы аккуратно расставлены по местам. В воздухе пахнет лимонным средством для дезинфекции, так сильно, что даже пощипывает в носу.

Рядом с обеденным столом на маленьком столике я увидела четыре вазы: одна была с розами, другая – с фиалками, третья – с маками.

Четвертая – пустая.

Я осела на ступеньку и ухватилась за стену, чтобы не скатиться вниз. Дверь позади захлопнулась, заставив меня содрогнуться. Вот и все. Я в ловушке. С криком я бросилась на стену, как вдруг увидела, что внизу, у начала лестницы, стоят три девушки. Одна из них, красивая брюнетка, напомнившая мне маму в двадцатилетнем возрасте, улыбнулась тепло, но печально – и протянула ко мне руку.

– Иди сюда, Лилия.

2

Саммер

Суббота, 24 июля (настоящее время)

Она сделала несколько шагов мне навстречу, как будто думала, что я возьму ее за руку.

– Иди сюда, Лилия, все хорошо.

Я не двигалась. Не могла. Она сделала еще шаг. Сердце у меня панически заколотилось, и я прижалась спиной к стене, пытаясь отодвинуться от девушки, которая подходила все ближе. Чего они от меня хотят?

– Я… Я не Лилия. Пожалуйста, скажите это ему. Я вас очень прошу. Я не Лилия. Мне надо выбраться отсюда. Помогите, пожалуйста, – умоляла я, пятясь вверх по лестнице, пока не уперлась спиной в дверь. Я повернулась и, не обращая внимания на боль в запястьях, начала колотить кулаками по железу.

– Лилия, перестань. Сейчас я тебе все объясню, – девушка снова протянула ко мне руку. Неужели она не видит, что я не собираюсь брать ее за руку? Напрасно она думает, что я доверюсь ей.

Я снова повернулась и ахнула, увидев, как близко она подошла. Она подняла руки, как бы сдаваясь, и сделала еще шаг вперед.

– Все хорошо. Мы ничего тебе не сделаем. – По щекам у меня текли слезы. Я покачала головой.

– Пожалуйста, иди сюда и сядь, мы тебе все объясним. – Она указала на кожаный диван. Я некоторое время смотрела на него, перебирая в уме варианты действий. Их было не так уж много. Сначала надо узнать, что происходит и кто они такие. Поэтому я протянула девушке трясущуюся руку.

Я так старалась унять дрожь, что все тело напряглось и мышцы заныли. Ну почему я не пошла с Керри? Зачем забрела в парк в одиночестве? Надо было слушать Льюиса, но я считала, он чрезмерно меня опекает. Он действительно чересчур меня опекал, так мне всегда казалось. Ведь Лонг-Торп – такой скучный городок. Был скучный.

– Итак, Лилия…

– Перестаньте называть меня этим именем. Меня зовут Саммер! – воскликнула я. Мне было совершенно безразлично, кто такая Лилия. Я просто хотела, чтобы они поняли: она – не я. Я хотела, чтобы меня отпустили.

– Милая, – мягко, будто обращаясь к ребенку, сказала девушка, вместе с которой мы спустились по лестнице. – Теперь ты Лилия. Не надо говорить ему, что ты не Лилия.

Я сглотнула.

– Что происходит? О чем вы? Просто скажите ему, чтобы он меня отпустил, пожалуйста. – Я проглотила воздух, мне казалось, что легкие у меня сжались. – Вы как будто меня не слышите!

– Прости, но ты не можешь уйти. Как и все мы. Я здесь дольше всех, уже почти три года. Меня зовут Роза, – сказала она и пожала плечами. – Раньше я была Шэннон. Это Мак, она прежде была Ребеккой, а вон там Фиалка. Раньше ее звали Дженнифер.

Что за черт! Безумие какое-то! Она сидит здесь взаперти уже три года?

– Раньше – это до каких пор? – спросила я.

– До Клевера, – ответила она.

Я мотнула головой, пытаясь понять суть происходящего.

– Кто это Клевер? Он? – Маньяк, помешавшийся на Лилии. – Пожалуйста, объясните мне, что тут происходит. Что он собирается со мной сделать?

– Мы должны звать его Клевером. А ты делай то, что мы скажем, и все будет хорошо, договорились? Никогда не возражай ему и не называй своего настоящего имени. Теперь ты Лилия. Саммер больше нет, – она виновато улыбнулась. Я подавила всхлипывания и постаралась держать рот закрытым. Я не могу здесь оставаться. Захотелось закричать и оттолкнуть Розу, но не было

сил. – Все будет хорошо, – повторила она.

– Я… я хочу домой. К Льюису. – К родителям, которые вечно меня пилят, к брату, который вечно меня бесит, к моей прежней скучной жизни…

Другая девушка, которую Роза представила как Мак, покачала головой.

– Мне очень, очень жаль, Лилия. Тебе придется забыть Льюиса. Поверь, так тебе будет легче.

Забыть Льюиса? Как я могу забыть его? Если что-то и способно поддержать меня здесь, так это его образ, его представляемое лицо. Единственное, что вселяло в меня надежду, так это то, что он вскоре начнет меня искать.

– Надо бежать отсюда. Почему вы не пытаетесь бежать? – они все одновременно опустили глаза в пол, как будто раньше уже говорили об этом. – Что? О чем вы сейчас подумали?

– Некоторые пробовали, – прошептала Роза.

Я похолодела.

– Что это значит? – Я уже знала ответ, но хотела его услышать от нее.

– Ты уже вторая Лилия здесь на моей памяти. Потому-то тебе и надо нас слушаться. Убежать невозможно. И попытки убить его заранее обречены на неудачу, – она слегка покачала головой и умолкла. Мне показалось, она хотела сказать что-то еще. Кто пытался его убить?

Они потеряли надежду выбраться отсюда – я видела это по их глазам. Но я не смирюсь. Я сбегу отсюда и вернусь к близким. Я не могла представить себе, что никогда больше не услышу, как Льюис говорит мне о любви или как брат кричит, чтобы я вышла наконец из ванной.

– Погоди, что значит – вторая Лилия?

Она взяла меня за руку и легко ее сжала.

– Была другая. Она оказалась здесь за месяц до меня. Как-то ночью она попыталась убить его, но он оказался сильнее и… – Она умолкла и глубоко вздохнула. – Даже не пробуй, договорились?

Сердце у меня в груди больно стукнулось о ребра. Я не хотела терять надежду. Но Роза просидела здесь уже три года!

Я собралась с духом и задала вопрос, ответа на который боялась больше всего.

– Что он от нас хочет?

– Точно не знаю, но, мне кажется, ему нужна семья, близкие люди. Идеальная семья. Он выбирает девушек, которые кажутся ему совершенными, как цветы. – Я заморгала, пытаясь осмыслить ее слова. Цветы? Так вот почему он дает девушкам новые имена – названия цветов! У меня перехватило дыхание. Парень совсем сбрендил.

– Он любит чистоту, – продолжила Роза. – Боится микробов и грязи.

Так вот почему он смотрел с отвращением на мою кровоточившую рану, вот почему здесь стоит такой сильный запах лимона.

– Мы должны постоянно заботиться о чистоте в доме, должны принимать душ два раза в день. Каждое утро, ровно в девять, он спускается завтракать с нами, к этому времени мы должны принять душ, причесаться и накраситься для него.

Я невесело рассмеялась. Похоже, кто-то сыграл со мной злую шутку. Как будто я попала на съемки реалити-шоу.

– Да что же это такое, черт возьми? – закричала я и вскочила с дивана. Ноги были как ватные, и Розе удалось легко усадить меня на место.

– Никогда не ругайся при нем, Лилия. И, пожалуйста, прислушайся к моим словам. Когда цветы увядают, он приносит нам свежие… – она умолкла, вздрогнув, как будто от тяжелого воспоминания. Глядя мне в глаза, она глубоко вздохнула. – Когда он полюбит тебя, захочет заняться с тобой любовью.

Сердце у меня замерло. Я отчаянно замотала головой, на глаза навернулись слезы. Я снова вскочила и на этот раз нашла в себе силы вырваться из рук Розы. Ему не удастся приблизиться ко мне. Лучше умереть.

– Нет! О господи, мне надо вырваться отсюда, – я повернулась и взбежала по лестнице.

– Лилия, Лилия! Тихо, перестань, – Роза догнала меня и теперь крепко держала за руки, стоя на ступеньку ниже. – Успокойся. Вряд ли он нас слышит, но мы этого точно не знаем, поэтому остановись.

Я, рыдая, осела на пол. Роза поддерживала меня, поэтому я не ушиблась, впрочем, мне было безразлично.

– Мне надо… Мне надо домой, – бормотала я. Меня трясло от страха. Я представить не могла, что этот псих окажется рядом и дотронется до меня. Я знала только Льюиса и хотела, чтобы так и оставалось. При мысли о всяком другом, и особенно при мысли о Клевере, у меня мороз шел по коже.

– Обещаю: все будет хорошо, только делай то, что мы тебе говорим. Мы хотим помочь тебе, Лилия, – повторила Роза. Прошло несколько минут, прежде чем я немного успокоилась. Роза права. Я действительно должна ее слушаться, по крайней мере, пока не пойму, как отсюда выбраться. Надо сохранять трезвую голову, ясно мыслить и выработать план. Выход должен быть. Нет ничего невозможного. Пока что-нибудь не придумаю, придется играть по здешним правилам. Только так можно спастись.

Я поднялась на ноги и позволила Розе довести меня до дивана. Она утерла мне салфеткой слезы. Все три девушки смотрели на меня в ожидании: буду ли я и дальше сопротивляться или начну вести себя как они.

– Все хорошо, Лилия? – спросила Фиалка. Она впервые заговорила со мной и начала с такого глупого вопроса. Я покачала головой. Со мной определенно все плохо. – Сочувствую, – и она пожала мне руку.

Внезапно дверь над лестницей распахнулась. Сердце заколотилось, я вся задрожала. Клевер очень медленно, словно чтобы усилить эффект своего появления, спустился по ступенькам и остановился под лампой. Дыхание

перехватило, сердце забилось с невероятной частотой. Я впервые как следует его рассмотрела. Откуда только взялась его сила: при высоком росте он вовсе не кажется мускулистым. Очень короткие, безупречно причесанные каштановые волосы, опрятные джинсы, белая рубашка и поверх нее вязаный темно-синий свитер – если принять во внимание его наклонности, все это выглядело как-то слишком опрятно и обыденно.

Роза взяла меня за руку и пожала ее.

– Привет, цветы. Как устраивается Лилия? – он тепло улыбнулся, будто и не похищал меня. Что же он за человек? Как можно так притворяться?

Фиалка встала и подошла к нему, сощурив глаза и качая головой.

– Ты поступил неправильно, Клевер, и сам это знаешь. На этот раз ты зашел слишком далеко. Она совсем еще девочка. Ты должен ее отпустить. – Голос Фиалки звучал решительно, но руки предательски дрожали. Если слова Розы – правда, он должен внушать им ужас. Я сразу зауважала Фиалку. Две другие, похоже, ничего говорить не собирались.

Его беззаботная улыбка вмиг исчезла. Я замерла, пульс участился. Выражение его лица изменилось, стало напряженным – казалось, перед нами совсем другой человек. Такой злой, что вполне может убить. Едва заметным молниеносным движением он схватил Фиалку за руку.

Она сморщилась от боли, глядя на стиснутую им руку.

– Клевер, пожалуйста, не надо, – прошептала она. Я не хотела смотреть ни на то, что он делает, ни на то, что он собирается сделать, но не могла отвести глаз от этой пары. Сердце у меня колотилось, пальцы онемели.

– Эгоистичная дрянь, – рявкнул он и ударил ее по щеке. Дрянь? Да, именно так он сказал, хотя это слово совершенно не вязалось с его обликом. Пощечина эхом отозвалась в комнате. Фиалка с шипением вдохнула сквозь сомкнутые зубы и ухватилась за щеку.

– Как смеешь ты так говорить со мной после всего, что я для тебя сделал? Мы – семья. Не забывай об этом!

Я похолодела. Он хочет, чтобы я стала членом этой семьи, и собирается держать меня здесь. Но у меня уже есть семья – родители, с которыми я, выходя из дома, не сочла нужным попрощаться, брат, с которым спорила перед уходом.

Фиалка выпрямилась, подняла голову, и что-то внутри нее изменилось. Глаза потемнели, и она плюнула Клеверу в лицо.

– Мы – не семья, а ты – псих, – выкрикнула она, пытаясь вырвать у него руку.

Сквозь его сомкнутые челюсти вырвался гортанный звук, в котором не было ничего человеческого. Я бы отбежала, но страх приковал меня к полу. Он с силой толкнул Фиалку, она упала и заплакала от боли.

– Уберите ее от меня, – заревел Клевер, размахивая руками. Глаза у меня расширились от ужаса. Это просто дурной сон, надо как можно скорее проснуться, сказала я себе. Но не проснулась.

Мак вскочила и схватила со стоящего рядом со мной столика салфетки и флакон с дезинфицирующим гелем. В комнате я заметила еще несколько таких флаконов – на книжной полке, на тумбе в кухне и на телевизоре. Мак протерла лицо Клевера и отдала ему флакон. Он выдавил гель себе на ладонь, начал втирать в кожу лица. Роза и Мак переглянулись. Я не понимала, что означают их взгляды, но твердо знала, что мне это не нравится.

Он повернулся к Фиалке, и она стала медленно пятиться, пока не уперлась спиной в стену. Я сглотнула. Что теперь? Роза и Мак встали по сторонам от меня, как бы желая защитить. О боже! Я сцепила дрожащие руки. Все это кошмарный сон.

Склонив голову набок, он полез в карман и вытащил нож. Я замерла. Нет! Он собирается ее убить. Заколоть прямо у нас на глазах. Почему же Роза и Мак бездействуют? Никто ничего не предпринимает. Это ли означали взгляды, которыми они тогда обменялись? Неужели они знают, что сейчас будет?

– Что? – прошептала я, безуспешно пытаясь отвести глаза от ножа. Почему невозможно отвернуться, когда перед вами происходит нечто ужасное? Как будто мы все запрограммированы наказывать сами себя.

– Нет, пожалуйста. Клевер, прости, пожалуйста, не надо, – умоляла Фиалка, вобрав голову в плечи и выставив перед собой руки. Он покачал головой. Я слышала его тяжелое дыхание. Мне была видна лишь половина его лица, он смотрел холодно и бесстрастно.

– Ты прав. Очень сожалею. Мы – семья. Вы – моя семья, и я об этом на секунду забыла. Пожалуйста, прости мне мои слова. Мне не следовало в тебе сомневаться, – она покачала головой. – Ты всегда все делал в наших интересах. Если бы не ты, мы бы, наверно, уже погибли. Ты спас нас. Ты только и делаешь, что заботишься о нас, а я дурно обошлась с тобой. Я очень, очень сожалею об этом.

Он, казалось, стал выше ростом от гордости, склонил голову, взгляд его смягчился. Что это было? Неужели достаточно погладить по шерстке его раздутое невротическое самолюбие, и это даст шанс на спасение?

Я затаила дыхание, секунды тянулись одна за другой. Было слышно только тяжелое дыхание Клевера и Фиалки. Роза и Мак стояли, широко раскрыв глаза, в ожидании его решения.

Наконец он убрал нож. Роза, расслабившись, первая опустила приподнятые плечи.

– Я прощаю тебя, Фиалка, – сказал Клевер, повернулся и, не сказав больше ни слова, вышел из комнаты. Я наблюдала за происходящим, вытаращив глаза и не смея вздохнуть от страха. Губы пересохли, в носу пощипывало от лимонного запаха.

Роза, Мак и Фиалка молча сидели на диване. Я стояла как вкопанная.

Саммер

Суббота, 24 июля (настоящее время)

– Что это было? – прошептала я, глядя на тяжелую, окованную железом дверь подвала.

– Это моя вина. Зря я его разозлила, – произнесла у меня за спиной Фиалка.

Я сжалась от ужаса и повернулась к ней.

– Твоя вина? Но ты же все правильно сказала! Неужели он действительно собирался заколоть тебя? – Мне хотелось, чтобы хотя бы одна из них ответила «нет». Но все молчали.

– Иди сюда, присядь, Лилия. Мы ответим на все твои вопросы, – сказала наконец Роза, поглаживая трясущуюся руку Фиалки.

Не слишком-то мне хотелось узнавать что-то еще.

Я села на край дивана. Мы все как раз помещались на нем, видимо, Клевер специально купил такой – на четверых. Удивительно, но диван оказался очень удобным. И вообще все здесь, не считая резкого лимонного запаха, было по-домашнему уютным. Светло-голубые стены и светлая древесина мебели придавали комнате приятный вид. Если бы не сильный запах дезинфекции, ее можно было бы назвать роскошной. С трудом верилось, что она находится в доме этого психопата.

– Что ты хочешь знать? – спросила Роза. Взгляд ее голубых глаз успокаивал, как и цвет стен.

– Он ведь собирался зарезать ее?

В ответ Фиалка только кивнула.

Я сделала долгий судорожный вдох.

– Потому что она пыталась за меня заступиться?

Я говорила с Розой, как будто мы с нею наедине. С той минуты, как я очутилась в подвале, она казалась мне здесь главной, как старшая сестра.

– Верно.

Я облизала губы.

– Так прежде уже бывало?

Ее глаза потемнели, взгляд стал жестким.

– Да.

– Ты это видела?

– Да.

– Они умерли? – еле слышно проговорила я.

Она кивнула.

– Да, он убил их.

Я посмотрела на остальных. Фиалка прижалась к Мак. Он убивает людей, и никто об этом не знает. Как такое вообще возможно? Я недоверчиво покачала головой.

– Не понимаю. Как же это сходит ему с рук? – Исчезновение людей не может остаться незамеченным. Я никогда не слышала в новостях и не видела, чтобы на столбах были расклеены объявления об исчезновении Розы, Мак или Фиалки.

– Обычно он выбирает девушек с улицы. Никто не замечает их исчезновения, не бьет тревогу, – Роза убрала локон за ухо. – Я ушла из дома в восемнадцать лет. Отношения с родителями были… напряженные. Отец, – ее глаза потемнели, и она ссутулилась, – любил выпить, а нас не любил. Как только мне исполнилось восемнадцать, я сбежала. Просто больше не могла там находиться. Десять месяцев прожила в хостелах и просто на улице, тут Клевер меня и нашел. И вот… уже почти три года здесь, – она пожала плечами, как будто заточение в подвале – обычное дело.

Я оцепенела. Как же она это выносит? Я бы через три недели с ума сошла. В груди у меня так теснило, что, казалось, я вот-вот потеряю сознание. И дурнота не проходила.

– Пожалуйста, не плачь, Лилия. На самом деле здесь не так уж плохо, – сказала Роза.

Я уставилась на нее, пытаясь понять, не сошла ли она с ума. По крайней мере, ее слова наводят на такую мысль. Не так уж плохо? Он же нас похитил! Держит в заточении в своем подвале. Он изнасилует тебя, когда «полюбит», а если будешь сопротивляться, убьет. Это называется «не так уж плохо»?

– Пожалуйста, не смотри на меня так. Я знаю, о чем ты думаешь, но, если слушаться его, все будет нормально. Он будет хорошо с тобой обращаться.

Нет, она точно спятила.

– Если не считать, что изнасилует?

– При нем не называй это насилием, – предостерегла Роза.

Я отвернулась, не веря своим ушам. Как можно это считать нормальным? Безумие, и это еще слабо сказано, а она его защищает!

Но не всегда же она была такой. Когда-то она наверняка понимала, что он псих, и ненавидела его так же, как я. Сколько же ему понадобилось времени, чтобы промыть ей мозги?

Мак, Фиалка и Роза поднялись с дивана – совершенно синхронно – и перешли в кухню. Они говорили между собой негромко, я едва слышала их голоса, но, судя по тому, как посматривала на меня Фиалка, речь шла обо мне. Мне было все равно. Я даже не пыталась разобрать их слова. Пусть говорят что угодно, но я никогда не соглашусь с тем, что держать нас здесь – нормально. Никто не убедит меня, что Клевер не законченный психопат.

Меня скоро найдут. В отличие от Розы, Фиалки и Мак, я никогда не жила на улице. У меня есть семья и друзья – мое исчезновение заметят, обратятся в полицию, начнут искать. Кто первым поймет, что я пропала? Родители, не дождавшись моего возвращения из клуба? Льюис, заметив, что я не отвечаю на его звонки и эсэмэски? Будет ли он звонить мне сегодня вечером? Когда мы проводили время порознь, обычно не писали друг другу СМС-сообщений до возвращения домой, а если и писали, то не больше одного-двух.

Лицо Льюиса стояло у меня перед глазами, и я пыталась выкинуть его из головы. О родителях я даже думать не могла. Пытаясь проглотить комок в горле, я сжала кулаки и вонзила ногти в ладони. Только не плакать.

– А ты, Мак, сколько уже здесь? – спросила я.

Она слабо улыбнулась, прошла несколько шагов от кухонного стола к дивану, села рядом со мной и взяла мою сжатую в кулак руку.

– Чуть больше года. У меня такая же история, как у Розы. Я жила на улице. Когда он нашел меня, мне тоже было восемнадцать.

Совершеннолетняя. Уж не потому ли Фиалка так разозлилась? Но вряд ли наш возраст имеет значение. Вряд ли она могла знать, сколько мне лет. На сколько я выгляжу? Может, ему вообще все равно?

– Но почему он выбрал меня? Бессмыслица какая-то. В отличие от вас, я не совершеннолетняя. – Раз он похищает даже взрослых, наверное, возраст ему неважен, лишь бы каждая вела себя, как подобает члену семьи. Я встряхнула головой, кровь закипала от злости. – Мои домашние будут меня искать. Нас найдут.

– Возможно, – Мак снова слабо улыбнулась. Не поверила мне, ну и пусть. Я точно знала, родители моего исчезновения так не оставят. И я не буду сидеть здесь год за годом, как Роза, Мак и Фиалка.

Дверь заскрипела, сердце у меня едва не выпрыгнуло из груди, в животе что-то сжалось. Он возвращается. Я стала прислушиваться, но ничего не слышала. Потом тихо скрипнула дверная ручка. Почему не слышно его шагов за дверью? Я не могла вздохнуть, как будто меня ударили в солнечное сплетение. Звукоизоляция. Мы не могли слышать, что происходит за дверью, но и он не мог слышать, что происходит здесь.

Роза поднялась и пошла к лестнице ему навстречу. Как она может просто находиться рядом с ним? Один этот самодовольный вид выпускника привилегированной частной школы вызывает тошноту.

– Заказываю пиццу на ужин, – сообщил Клевер. – Все мы заслужили сегодня угощение, и к тому же надо отметить появление в семье нового члена, Лилии. – В животе у меня опять что-то сжалось. Он действительно душевнобольной, таких надо держать под замком. Он повернулся ко мне с улыбкой. – Лилия, мы обычно берем пиццу с двумя видами сыра, с пепперони и с цыпленком-барбекю. Тебя это устроит? Могу, если хочешь, заказать что-то еще.

Я смотрела на него, не в силах вымолвить хоть слово. Неужели он, человек, только что похитивший меня и угрожавший ножом Фиалке, всерьез обсуждает меню ужина? Да он совсем болен! Я не хотела говорить с ним. Мак благоразумно подтолкнула меня локтем. Судорожно вздохнув, я ответила:

– Устроит.

Он улыбнулся, блеснув превосходными белыми зубами. Все в нем выглядело безупречно: кожа, прическа, идеально отутюженная одежда, эти чертовы зубы. О таких говорят «волк в овечьей шкуре».

– Что ж, отлично. Я знал, что тебе тут понравится. Пойду, закажу пиццу. Я мигом.

Не говоря больше ни слова, он медленно стал подниматься по лестнице.

Все время, пока он находился в комнате, дверь подвала оставалась незапертой.

Я проследила, как он закрыл ее. Послышался лязг ключа в замке. Я злилась на себя – упустила возможность бежать.

– Как… это возможно? – потрясенно пробормотала я. Глядя в пустоту, я не могла даже моргнуть. Все это сон. Иначе и быть не может. Ничего подобного ни со мной, ни с моими знакомыми прежде не случалось.

Мак улыбнулась.

– Все будет хорошо.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Все будет хорошо, если только мне удастся выбраться отсюда, прежде чем он прикоснется ко мне.

* * *

Я проснулась оттого, что, как бывало не раз, кто-то тормошил меня за руку. Улыбнулась и открыла глаза, ожидая увидеть лицо Льюиса. Сердце у меня упало – передо мной были темно-каштановые волосы и голубые глаза Розы. О господи, неужели я заснула?

Значит, все это не кошмарный сон, а явь! В ужасе я отпрянула.

– Прости, что напугала, Лилия. Клевер принес пиццу, – прошептала Роза. – Идем есть. – Я перестала дышать, легкие, казалось, сдавлены так, будто на них уселся слон. Неужели я смогу сесть с ним за один стол? Но разве у меня есть выбор? Роза положила руку мне на плечо и подтолкнула к столу.

– Вот, садись рядом с Мак, – сказал Клевер. Неужели он указывает даже, кому где сидеть?

Я села за стол напротив Клевера. Он держался так, будто ничего не случилось. Для него все это было нормально. Ни разу не упомянул о том, что похитил меня. Ему, видимо, казалось, что я тут уже давно, что все мы тут одна семья. Он

действительно считает нас семьей. Но это же бред!

На столе, покрытом ярко-белой скатертью, стояла ваза со свежесрезанными розовыми лилиями. Пиццу достали из коробок и переложили на два больших блюда по обе стороны от вазы с лилиями. Цветы, решила я, предназначались для меня.

– Не стесняйся, – он указал на пиццу. Да лучше умереть. Он произнес это так, будто у меня есть выбор, но стальной блеск его глаз – и блеск ножа, который я все не могла забыть – говорили, что никакого выбора нет. Он хочет, чтобы мы ели, как семья. И я понимала, что? он сделает, если я откажусь.

Я взяла ближайший кусок пиццы и торопливо положила себе на тарелку, стараясь держаться от Клевера как можно дальше. Он улыбнулся, глаза его потеплели. Я уставилась в пластиковую тарелку и оторвала кусочек от края пиццы.

Роза, Фиалка и Мак обсуждали, что мы будем готовить на ужин в оставшиеся дни недели. Я молчала, но заставила себя немного поесть. Съеденное камнем легло в желудок. Я люблю пиццу, но эта на вкус отдавала пластиком, и, глотая, я все время давилась.

Роза подняла руку, чтобы привлечь мое внимание, хотя смотрела не на меня.

– Ой, Клевер, пока не забыла. Мы дочитали почти все книги.

Он кивнул.

– Принесу вам еще.

– Спасибо, – Роза улыбнулась и отпила воды. Мне захотелось закричать на нее. Неужели она не сознает, в каком ужасном положении находится! Она говорила с Клевером непринужденно, слегка повернувшись к нему, между тем как Мак и Фиалка смотрели прямо перед собой, а я сидела, как статуя, стараясь привлекать как можно меньше внимания.

– Спасибо за компанию, девушки. Увидимся утром, – Клевер поднялся с места. – Желаю приятно провести вечер.

Я как будто весь день пролежала в снегу: вся в оцепенении, движения скованные и замедленные. Он наклонился и поцеловал в щеку Розу, потом Мак и Фиалку. Охваченная страхом, я учащенно дышала. Меня не надо, пожалуйста, нет. В ушах стучал пульс, по горлу поднималась желчь. Он кивнул мне, повернулся и начал подниматься по лестнице.

Я вздохнула с облегчением: я не могла позволить ему прикоснуться к себе. Он остановился перед дверью и отпер ее. Я не сводила с него глаз. Он вышел за дверь и запер ее за собой. Хотелось убедиться, что он действительно ушел.

Роза и Мак встали из-за стола и собрали тарелки. Он один, а нас четверо. Мы бы сладили с ним, если б навалились все сразу. Пробовали они это уже или слишком его боялись? Мне казалось, что Роза вряд ли согласится в этом участвовать.

– Давай посмотрим кино, – позвала меня Мак. Оказывается, они уже все убрали, и Роза сидит перед телевизором.

Я пересела к ним на диван и уставилась на экран, но мысли мои были далеко. Обхватив колени руками, я привалилась к спинке дивана, мечтая исчезнуть. Все происходящее казалось нереальным.

Должно быть, прошло несколько часов, потому что Роза выключила телевизор, и все поднялись со своих мест.

– Лилия, – мягко, будто обращаясь к ребенку, сказала Фиалка. – Идем, нам всем надо принять душ и ложиться. Я покажу тебе ванную комнату. Можешь пойти первой. – Она отвела меня в ванную и дала пижаму. Я даже не стала спрашивать, почему должна принимать душ, хотя хочется поскорее лечь. И чью пижаму она мне дала?

Фиалка ушла, оставив меня в ванной. Замка в двери не оказалось, а жаль – заперлась бы от них всех. Я включила душ и держала под ним руку, пока вода не стала теплой. Почему я так безропотно повинуюсь? Потому что он может убить тебя без разговоров и колебаний. Сняв одежду, я зашла в душевую кабинку, села на пол и расплакалась. Рыдая, хватала ртом воздух, потом запустила

пальцы в волосы и закрыла глаза. Слезы смешивались с горячей водой.

Голова, казалось, вот-вот расколется. Наконец я заставила себя выйти из-под душа. Слезами горю не поможешь, и не стоит привлекать к себе лишнего внимания. Я завернулась в пушистое полотенце – оно пахло свежестью, будто его только что сняли с веревки для просушки белья. Открыла шкафчик над раковиной и сразу обратила внимание, что никаких бритв здесь нет – вместо них розовые коробочки с восковыми полосками для эпиляции. Ничто в шкафчике не могло причинить никакого вреда – никому.

Закрыв дверцу, я посмотрела на себя в зеркало. И напрасно. Глаза красные и припухшие, вид такой, словно я участвовала в боях без правил. Я развернулась, не желая больше себя видеть, и натянула чужую пижаму.

– Готова ко сну? – спросила Роза, когда я вошла в комнату. Я кивнула и обхватила себя руками. – Хорошо, сейчас покажу, где ты будешь спать. – Она провела меня в комнату рядом с ванной. Стены в спальне были светло-розовые, вся мебель – белая. Четыре односпальные кровати с розовыми стегаными одеялами и подушками, четыре тумбочки с одинаковыми розовыми светильниками – все в одинаковых тонах, как если бы спальня предназначалась для четырех близнецов.

– Вот это твоя, – она указала на кровать у стены слева. Моя. У меня есть своя кровать. Чувствуй себя как дома.

Сил спорить не было. Я молча подошла к кровати, легла и укрылась одеялом. Закрыла глаза и помолилась: пусть поскорее придет сон и заберет меня отсюда, чтобы проснуться дома у себя в комнате.

4

Льюис

Воскресенье, 25 июля (настоящее время)

Пропала. Это слово снова и снова стучало у меня в голове. Льюис, надо идти, Саммер пропала. Так сказал Генри. Он был бледен. Объяснил, что его сестру, мою девушку, никто не видел уже несколько часов.

Было почти три часа ночи, мы пешком и на машине искали уже четыре часа. Такого с Саммер еще не бывало. Если она и пропадала так, что никто ее не видел и не слышал, то всего лишь на десять минут в ванной. Я не мог найти никакого объяснения тому, почему она исчезла, никому ничего не сказав.

Мой брат Тео медленно вел машину по улицам. В другое время я кричал бы на него, требовал, чтобы он прибавил газу или пустил меня за руль. Но сейчас казалось, что он едет слишком быстро. Ночь была темная, тусклый свет фонарей едва освещал асфальт под ними. Может быть, мы уже тысячу раз проехали мимо, не заметив Саммер, поскольку вообще мало что видели, но я не мог вернуться домой и ничего не делать, как предлагали мои родители. От бездействия и ожидания я бы сошел с ума.

– Льюис, как ты? – в очередной раз спросил Тео. Этот дурацкий вопрос мне задавали последние несколько часов чуть ли не каждые десять минут. Что он хотел услышать?

Да просто супер!

– Не очень, – признался я. Где она? Саммер из дома никогда не убегала. Она не из тех, кто спасается бегством от проблем. У нее сильная воля, она упрямая. Спорить с ней бесполезно. Обычно она садилась ко мне на кровать и говорила:

– Сначала успокойся, а потом будем разбираться. – Она не боялась трудностей, это мне в ней и нравилось, и раздражало. Иногда мне надоедало выяснять отношения, но она не успокаивалась, пока не находила выход.

– Мы ее отыщем, брат.

– Да, – кивнул я, но уверенности не было – только надежда. У меня сосало под ложечкой. Определенно случилось что-то из ряда вон выходящее. – Она теперь может быть где угодно.

С тех пор как ее видели последний раз, прошло уже больше семи часов, а поиски пока ничего не принесли. Она как будто испарилась.

– Саммер из дома не убежала бы, – сказал Тео.

Сердце у меня замерло. Знаю!

– Именно это меня и пугает. Она бы не убежала… но, может быть, ее похитили.

– Не говори так, Льюис. Мы же пока ничего не знаем. – Он прав. Точно я этого не знал. Но я знал Саммер. – Едем дальше? В город, потом вернемся обратно и поедем в другую сторону?

– Да, в другую сторону. – По словам Керри, Саммер от клуба пошла налево. Мы туда уже ездили, но могли не заметить что-то важное. Второй раз проверить не помешает. Господи, да хоть и третий! Я был готов обыскать в городе каждый сантиметр, чтобы знать наверняка, что мы ничего не проглядели.

Полиция, призвав на помощь жителей, организовала поиски вокруг клуба – рядом с ним в последний раз видели Саммер. Но, поскольку с момента исчезновения прошло меньше суток, к поискам пока привлекли недостаточно много полицейских. Как выяснилось, должно пройти двадцать четыре часа, и только тогда полиция всерьез отнесется к ее пропаже. Узнав об этом, я страшно разозлился. За это время ее могут завезти бог знает куда и она может пережить бог знает что.

Наши соседи начали поиски самостоятельно. Обходили дома, опрашивали соседей в надежде, что кто-то что-то видел. Все знали Саммер и понимали, что она не из тех, кто убегает из дому. Все мои знакомые, за исключением матери Саммер, Дон, вышли на поиски. Дон сказали оставаться дома: Саммер могла вернуться или позвонить. Не хотел бы я быть на месте Дон.

Я достал из кармана телефон и в тысячный раз проверил – пропущенных вызовов не было. Я вздохнул и нажал на кнопку два – быстрый набор номера Саммер. Как и прежде, длинные гудки. Я затаил дыхание. Пожалуйста, дорогая, возьми трубку. Автоответчик ее голосом попросил оставить сообщение, а если это звонит Ченнинг Татум[1 - Ченнинг Татум – американский актер, продюсер, модель. Широко известен по роли звезды танцпола в молодежном

романтическом фильме 2006 года «Шаг вперед» (Step Up). – Прим. ред.], то «да, я согласна выйти за тебя замуж».

– Дорогая, пожалуйста, перезвони, как только прослушаешь это сообщение. Мне всего лишь надо знать, что у тебя все в порядке. Я тут с ума схожу. Люблю тебя, Саммер. – Я разъединил линию и сжал телефон в кулаке. Плохо.

Сменяя друг друга за рулем, мы проездили до самого утра. От усталости болели глаза. Когда открылись магазины, Тео купил нам поесть и по банке энергетика. Я не заезжал домой с тех пор, как нам позвонили из клуба, и по-прежнему был в рубашке и джинсах.

– Остановлюсь здесь, обойдем пешком поля и парк, – сказал я.

Тео кивнул, запихивая в рот остаток сэндвича.

– Точно есть не хочешь?

Я покачал головой, въезжая на стоянку возле церкви.

– Не хочется. Начнем с парка.

Брат вышел из машины и направился к калитке. Я быстро догнал его.

– Саммер! – позвал я. Конечно, ее здесь нет, иначе ее давно бы нашли. – Идем, Тео, – крикнул я через плечо. Он, в отличие от меня, не спешил, но он и не был влюблен в Саммер.

С каждой минутой я чувствовал себя все более потерянным. Сердце бешено колотилось и не желало успокаиваться. Я понятия не имел, что буду делать, если с ней что-то случится.

– Льюис, – сказал Тео, – может, там посмотрим?

Я посмотрел в ту сторону, куда он указывал. Вдоль парка через заросли по полю шла тропинка. Я кивнул и направился к ней. Стоит попробовать. Пробовать стоит что угодно и где угодно. Парк уже прочесали, но тщательно осмотреть в

темноте тропинку в зарослях вряд ли смогли. Что бы ни случилось, я не собирался сдаваться, пока мы не найдем Саммер.

* * *

– Есть новости? – спросил я с порога.

Сами мы ничего не нашли. Никаких следов. Теперь вся надежда на Дон.

Она покачала головой и прошептала:

– Нет. – На меня это короткое слово подействовало как удар ножом. Глаза Дон покраснели от недосыпа и слез. Такой же я представлял себе Саммер. Дон надеялась, что мы найдем ее дочь. Остатки вчерашней туши размазались под ее глазами и по щекам.

– Сегодня полиция начнет розыск. Ее найдут.

Дон кивнула. По-видимому, эти же слова она не раз повторяла себе сама.

– Ну, я пошел, – сказал отец Саммер, Дэниел. Увидел меня и остановился. – Льюис, нашли что-нибудь? – Я покачал головой. Она как будто испарилась. Дэниел понурил плечи. Глядя на него, всегда такого сильного и полного оптимизма, я начал бояться худшего.

– Пока, я скоро вернусь, – сказал он и поцеловал Дон в щеку. Он был так же вымотан, как и я.

– Есть хочешь? – спросила Дон, глядя в пространство. – Твоя мама сейчас готовит. Не знаю, что.

– Спасибо, Дон, – сказал Тео. – Пойдемте, – он обнял ее за плечи и, поддерживая, как старушку, повел на кухню.

Я не хотел сидеть с ними. Важно было придумать план и скорее вернуться к поискам. Оттого, что мы будем сидеть на кухне, Саммер не найдется.

– Тео, Льюис, – сказала моя мама, отложив полотенце, – садитесь, садитесь.

– Спасибо за хлопоты, Эмма, – поблагодарила Дон. Мама печально улыбнулась. Я видел по глазам, как она напугана.

– Не хочу сидеть. Хочу понять, что мне делать. Собирается кто-нибудь начать настоящий розыск? – спросил я. Мне казалось, у полиции должен быть план, ведь полицейские не ищут пропавших бессистемно, где попало.

– Поиски уже идут, милый, – сказала мама. – Уже тщательно осмотрели место, где, по их сведениям, Саммер была до того, как пропала…

– Откуда они знают, где?

– О чем ты?

Я вздохнул.

– Откуда они знают, где она была?

Мама пожала плечами.

– Точно не знаю, но они учитывают, во-первых, направление, в котором она ушла, и время с их расставания с Керри до того момента, когда Керри поняла, что Саммер не отвечает на звонки. Это помогает вычислить, как далеко Саммер могла уйти. Но точно я не знаю.

– То есть это все предположения? Они предполагают, куда могла пойти Саммер?

– Льюис, успокойся, – вмешался Тео.

– Не успокоюсь. К черту! – У них нет никакой зацепки, а Саммер теперь может быть где угодно.

Хлопнув дверью, я выбежал из дома. Не знал, куда идти, но мне надо было двигаться куда-то. Моя девушка пропала, а я понятия не имею, где она и как ее

отыскать. И, похоже, у полиции тоже нет никаких идей.

– Льюис! – крикнул мне вслед Тео. Я слышал за спиной его шаги – он догонял меня. – Погоди. – Он схватил меня за локоть и повернул к себе. – Нельзя же просто бежать куда-то. Слушай, я иду в муниципалитет, там штаб поиска. Идем вместе, расспросим обо всем, что нас интересует. А потом будем искать дальше.

Я вздохнул и провел ладонью по лицу.

– Тео, что если она…

Мертва.

– Брось. Ничего подобного. Ничего с ней не случилось.

– Откуда ты знаешь?! – крикнул я. Сердце у меня колотилось. – Прошло несколько часов, и никому ничего неизвестно. Она никогда не убегала из дома…

– Льюис, остановись! Так ты Саммер не поможешь. А ей нужна твоя помощь, так что перестань нести чушь и сделай что-нибудь полезное.

Он был прав. Я кивнул. Хотелось плакать, но я крепился. Надо быть сильным хотя бы ради нее, а отчаянием Саммер не вернешь.

– Ты прав, – я вздохнул, и сердце у меня упало. – Просто я не могу ее потерять, – прошептал я. Как ни банально это прозвучало, больше всего я боялся потерять свою девушку. Потерять в любом смысле. Потому что я люблю ее.

– Пошли.

Тео улыбнулся и отпер машину.

– Вот, – он дал мне что-то завернутое в салфетку. Бублик с ветчиной. – Поешь. – Я забрался на переднее сиденье и заставил себя есть. Кусок в горло не лез, но Тео был прав: Саммер нужна моя помощь, я должен быть сильным, чтобы выручить ее. От размазни толку не будет.

– С ней ведь все нормально, правда?

Тео кивнул.

– Все будет хорошо. – Он не сказал, что сейчас все хорошо, но что будет хорошо, когда мы ее найдем. Я должен понять, где она. Я люблю ее, так разве не я должен знать, что случилось? Где ты, Саммер?

Мы въехали на стоянку возле здания муниципалитета. Все было занято машинами, оставалось одно свободное место. Неужели все приехали сюда, чтобы помочь в поисках?

В главном зале толпился народ. Прямо перед входом стоял длинный стол, на нем лежали яркие жилеты и стопки карт местности, стояли бутылки с водой. Откуда все это взялось? К стенду возле стола была приколота фотография Саммер. Земля как будто перестала вращаться. Я глубоко вздохнул и подошел к полицейским.

Над фотографией Саммер было написано: «Внимание: розыск. Пропала Саммер Робинсон, 16 лет».

5

Саммер

Воскресенье, 25 июля (настоящее время)

Я села на кровать и тыльной стороной ладони утерла слезы. Я не дома, а по-прежнему в этой спальне. Почему я не проснулась там, где должна? Я ведь всего-то и хотела, что оказаться дома со своими родителями, которые бо?льшую часть времени сводят меня с ума. Я бы даже не жаловалась на Генри, забегающего в ванную раньше меня, или на безумные попытки отца установить для меня комендантский час.

– Доброе утро, Лилия, – сказала Роза с кровати напротив моей. Да уж, чертовски доброе. Это утро из ночного кошмара, который никак не кончается.

Я попыталась улыбнуться, но едва смогла пошевелить губами. Что меня сегодня ждет? Надо бы спросить у Розы, но так ли уж мне хочется это узнать? Все как во сне или в кино, как будто не со мной.

Роза сочувственно улыбнулась и открыла гардероб рядом с моей кроватью.

– Тут кое-какая одежда, возьми, пока Клевер не купит тебе новую.

Кровь отхлынула у меня от лица. Роза положила на кровать джинсы и слишком большой для меня сиреневый свитер. Я покачала головой. Неужели она думает, что я надену вещи убитой здесь девушки?! Вещи другой Лилии.

– Нет, – прошептала я. – Не могу.

Я не собиралась расхаживать в одежде убитой.

– Ничего другого нет.

– Привыкнешь, – сказала Фиалка, которая тоже держала в руках джинсы и свитер такого же цвета, но другого оттенка. Как будто мы подруги и нам кажется особым шиком носить в школе вещи, которые гармонируют между собой. Еще немного, и мы начнем заплетать друг другу косы и обсуждать мальчиков, в которых влюблены.

– Так, я в душ. Мак и Фиалка, пожалуйста, объясните все Лилии, – Роза взяла свою одежду и полотенце. Объяснить что? Что-то мне не очень хочется слушать их объяснения.

Они дождались, пока Роза уйдет, и пересели ко мне на кровать.

– Утренний туалет, – сказала Мак, расчесывая темно-рыжие волосы. – Надо принять душ и быть готовой к восьми. В это время Клевер спускается завтракать.

Я покачала головой, не веря их словам.

– Что? Мы должны для него наряжаться? – Безумие какое-то, такого просто не может быть. – Для этого психа?

Мак нахмурилась.

– Речь не о том, чтобы наряжаться. Но он любит, чтобы к его приходу мы были чистые, опрятно одетые, причесанные и накрашенные. Хочет, чтобы мы выглядели красиво, нравились ему и самим себе.

В животе у меня что-то сжалось. Краситься? Делать прическу? Быть красивой для себя и для него? Все это не по мне. Я ношу джинсы и футболки, не люблю наряжаться, как некоторые девчонки, и уж точно не собираюсь прихорашиваться ради душевнобольного убийцы.

– Я не хочу ему нравиться. Черт возьми, ты сама-то слышишь, что говоришь?

– Честно говоря, Лилия, я тоже не хочу ему нравиться. Но, поверь мне, иначе будет плохо, – сказала Фиалка.

В горле пересохло. Я закрыла глаза. Ответ на мой следующий вопрос нетрудно было предугадать, но я как идиотка все же спросила:

– И что же будет?

– Тебе лучше не знать, – Фиалка прерывисто вздохнула. Сердце у меня заколотилось. Почему мне лучше этого не знать?

– Я просто хочу домой, – слезы потекли у меня по щекам, я зажмурила глаза. – Я хочу к Льюису и родителям.

– Это твой парень? – спросила Мак. Я кивнула и захлюпала носом. – Ты его любишь?

– Да. – Я любила Льюиса задолго до того, как мы сблизились. С ним легко и весело. Да, он иногда придает значение пустякам и чрезмерно дрожит надо

мной, но ведь это потому, что он меня любит. Мы столько спорили из-за того, что я хожу одна! Если бы я послушалась, а не высмеивала его опасения, если б не твердила, что ничего никогда не случится в нашем скучном Лонг-Торпе, может, была бы сейчас дома.

Мак опустила голову, и длинные рыжие волосы упали ей на лицо.

– Это здорово.

– Он найдет меня, – уверенно сказала я. Льюис не будет сидеть сложа руки, он сделает все возможное, чтобы меня найти. И моя семья – тоже. Мама у меня мастер находить пропавшее. От нее ничто не скроется, к сожалению для Генри и его порнографических картинок.

Фиалка слабо улыбнулась.

– Хорошо бы.

Она видела наше положение совсем не так, как Роза. Судя по тону Фиалки, она бы хотела выбраться отсюда. Но значит ли это, что она встанет на мою сторону в противостоянии с Клевером? Не терпелось поговорить с ней прямо сейчас, но вначале надо узнать о ней побольше. Я должна убедиться, что она действительно хочет выбраться.

Мак вздохнула и вернулась к теме внешнего вида.

– Как бы то ни было, волосы должны иметь естественный вид. – Как будто у меня есть возможность бегать по магазинам в поисках краски для волос! – Он не любит, когда уж очень накручено. И косметики надо наносить самую малость, особенно туши. – Меня едва не стошнило. Мне указывали, как я должна выглядеть. Такого еще не бывало.

В комнату вернулась Роза, стала расправлять одеяло на кровати и взбивать подушки. Я наблюдала, как она водит руками по одеялу и думала: неужели и я буду вести себя так же, пробыв здесь три года? Нет. Я тут и трех дней не проведу. Меня ищут. Все это временно, полиция нас найдет. Обязательно.

Глубоко вздохнув, чтобы прояснилось в голове, я пошла в душ. Глупо принимать душ перед сном и сразу после пробуждения, но я не собиралась это оспаривать и несколько минут постояла под душем.

Перед слегка запотевшим зеркалом я представила себе, что нахожусь дома, готовлюсь к свиданию с Льюисом или собираюсь провести вечер с друзьями в клубе. Подкрасила ресницы, но забеспокоилась, не слишком ли много туши нанесла. Не так много, чтобы выглядеть вульгарно, но достаточно, чтобы выделить глаза. Не накажет же он меня за то, что туши слишком много или слишком мало! Господи, еще вчера меня больше всего волновало, какой топик выбрать для вечеринки.

Я надела вещи, которые дала Роза, и высушила волосы. Едва узнала себя в зеркале: вид измотанный, да и самочувствие не лучше. Из-за темных кругов под глазами я выгляжу гораздо старше своих шестнадцати лет.

Понурив голову, я отвернулась от зеркала. Такой вид мог вызвать только депрессию. Я не пробыла здесь еще и суток, а уже чувствую себя совсем другим человеком, Лилией. Когда я вышла из ванной, в нее зашла Мак. Пришла ее очередь готовить себя для него.

Я прошла в гостиную. Роза жарила на плитке яичницу с ветчиной и напевала себе под нос. Ее умелые движения напомнили мне, как мама воскресным утром готовит завтрак на всю семью. Сердце защемило. Что сейчас делает мама? Ищет ли меня? Смотрит ли на телефон в ожидании звонка? Ждет у парадной двери? Но не готовит, это уж точно. Как же я хочу домой! Я даже позволю маме обнять себя, не вырываясь и не закатывая по привычке глаза.

Роза начала раскладывать яичницу по тарелкам пластиковой лопаточкой. В кухне и вообще во всем подвале не было ничего колющего и режущего. Ничего, что можно использовать как оружие. Единственное, что оставалось, – это отравить его, ведь здесь так много чистящих средств. Но как замаскировать, например, резкий запах отбеливателя? И даже если мы его отравим, где гарантия, что он сразу же умрет? Если бы он отдал концы, скажем, в доме, мы, запертые в подвале, сами умерли бы с голоду. В общем, если не привлечь на свою сторону Розу, Фиалку и Мак, дело безнадежное. Но я не собиралась сдаваться. Должен найтись какой-то выход – не может не найтись. А пока нужно терпеть и играть по его правилам.

Я села на диван и подтянула колени к подбородку. Мы не очень далеко от Лонг-Торпа – ехали сюда недолго. Полиция будет проверять все в окрестностях города. Ведь именно так поступают, когда пропадают люди. Будет обходить дома, расспрашивать жителей. Я такое видела в новостях по телевизору.

Скрипнула дверь, я вздрогнула, сердце заколотилось. Но оказалось, это всего лишь дверь в ванную. Я расслабила напряженные плечи. Мак, взглянув на меня с улыбкой, пошла накрывать на стол к завтраку. Я думала о Розе. Может быть, и она тоже ненавидит жизнь в подвале, но умело это скрывает. Настолько ли она боится Клевера, что не проявит своей ненависти, когда надо будет действовать? Или действительно думает, что так можно жить?

Роза и Мак поставили на стол последнюю тарелку, и обе улыбнулись. От яичницы вкусно пахло, я очень проголодалась, и все же при мысли о еде меня начинало тошнить.

Послышался скрип двери, и я замерла. Клевер спускался по лестнице. Я сделала глубокий вдох и сцепила дрожащие руки. Так и держи их сцепленными.

– Доброе утро, цветы, – приветствовал нас Клевер с теплой улыбкой. В руках он держал прекрасные розовые лилии – такие же, как на кухонном столе, но букет побольше, приблизительно такого размера, как букеты роз, фиалок и маков, стоящие в вазах. Он направился прямо ко мне. Я опустилась на диван.

– Тебе, Лилия, – он протянул мне букет. У меня по коже поползли мурашки, как будто на меня напала стая муравьев. Не говори со мной.

Ожидая помощи, я посмотрела на Розу. Она кивнула в сторону цветов, и я поняла, что должна принять букет. Просто подыгрывай, Саммер. Я встала с дивана, протянула дрожащую руку и взяла у него лилии.

– Спасибо, – тихо проговорила я и отступила назад, задев ногой диван.

– Не надо так стесняться, Лилия. Мы ведь семья. Почему бы тебе не поставить цветы в воду? – он нахмурился, и его глаза потемнели. – Я не хочу, чтобы они завяли. – Другие девушки быстро отвернулись и сели. К чему бы это? Ведут себя как-то странно. Что бы это значило?

Чтобы не злить его, я схватила пустую вазу и налила в нее воды. Она была пластиковая, но так походила на стеклянную, что это невозможно было понять, не взяв ее в руки. Я поставила цветы в вазу и поместила ее между красными маками, яркими фиалками и белыми розами. Зачем ему цветы? Я хотела знать о нем все, чтобы найти хоть что-то, что позволит мне выбраться отсюда. Но в то же время я не хотела знать о нем ничего.

Я села на свое вчерашнее место – напротив него. Мышцы болели от постоянного напряжения. Я была рада этой боли, она помогала отвлечься от происходящего вокруг.

– Давайте есть, – сказала Фиалка.

Жареная пища ничуть не способствовала тому, чтобы желудок у меня успокоился. Меня тошнило. Я чувствовала на себе взгляд Клевера. Он внимательно рассматривал меня. Хочет принять какое-то решение? Может, раздумывает, стоит меня тут держать или нет? Я откусила от тоста, мне было неловко как никогда. Почему бы ему не посмотреть куда-нибудь еще?

Я стала думать о Льюисе, чтобы отключиться от окружающего. Чем он сейчас занят? Обычно в это время он еще спит, но сейчас – вряд ли. По утрам в выходные мои родители подолгу пьют кофе – чашку за чашкой. Наверное, сейчас, когда меня ищут, они заготовили целый термос. И хорошо, потому что без кофеина мама чувствует себя ужасно и становится раздражительной.

– Лилия, – чей-то голос вернул меня в действительность. Клевер, Роза, Фиалка и Мак смотрели на меня, и по выражениям их лиц я не могла понять, в чем дело.

– Простите, – прошептала я и передвинула яичницу по тарелке, чтобы казалось, что я собираюсь есть. Им от меня что-то нужно или просто дело том, что я ушла в себя? Все занялись яичницей.

– Итак, Клевер, что ты запланировал на сегодня? – как ни в чем не бывало спросила Роза. Как будто он мог ответить: «Да похищение, может быть, убийство-другое, как обычно». Неужели она способна так запросто спрашивать его о подобных вещах?! Я даже не была уверена, что она его по-прежнему боится.

Он улыбнулся ей почти ласково.

– Надо немного поработать, а потом пойду прогуляюсь.

Так он работает? Ну да, конечно. Он должен работать, чтобы прокормить пятерых. Но он не производит впечатления общительного человека. Где это он собрался гулять?

– Почему бы тебе не рассказать Лилии о твоей работе? Она, кажется, немного сбита с толку, – предложила Роза.

Ну вот. Сделать вид, что все это понарошку, что он рассказывает о каком-нибудь фильме. Как бы ни хотелось мне отключиться и в мыслях вернуться домой, мне были важны любые сведения о Клевере.

Он улыбнулся. Я постаралась не показывать отвращения. Он дружелюбно посмотрел на меня. Трудно поверить, что это тот самый человек, который зарезал ножом женщину и вчера похитил меня. Если бы такой встретился мне на улице, я бы не обратила на него внимания, но и не ожидала бы от него ничего плохого. Он казался совершенно нормальным.

– Я бухгалтер в юридической фирме, работаю в городе. – Я с трудом удержалась от смеха. Работает в юридической фирме! Ну не смешно ли?! Эта сторона его жизни – работа – вполне обычна. Никто бы не подумал, что этот хорошо одетый, вежливый бухгалтер – садист, ведущий тайную жизнь. Сидит по будням за рабочим столом, болтает с сотрудниками, выполняет свои обязанности, а потом возвращается домой к девушкам, которых держит взаперти у себя в подвале.

– Поешь, Лилия. Мы не хотим, чтобы ты похудела, – он посмотрел на меня, желая удостовериться, что я не посмею ослушаться.

Проглотив страх, я отрезала маленький кусочек яичницы и положила в рот. Я не хотела злить Клевера, как накануне Фиалка, поэтому заставляла себя есть и молилась, чтобы меня не стошнило. Мне пришло в голову, что можно бы похудеть ему назло, но я сразу отмела эту мысль. Кусок скользнул в горло, и я поперхнулась. Жуй как следует.

– Так, цветы, мне пора на работу. Желаю приятного дня. Увидимся за ужином. Пожарь к вечеру курицу, Роза.

– Хорошо, Клевер, – кивнула она.

Он встал из-за стола и поцеловал в щеку Мак, Фиалку и Розу. Пожалуйста, меня не надо. Сердце так билось, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

– До свидания, Лилия, – он подошел к лестнице, и я с облегчением вздохнула. Что же я буду делать, когда он вот так же попробует поцеловать и меня?

– Давай же скорее, Льюис, – пробормотала я. Ему всегда и все удавалось: он помогал мне подготовиться к экзамену – и я сдавала, хоть была уверена, что завалю; когда я болела, он точно знал, какую еду мне купить; он умел в два счета утихомирить Генри. Конечно, нельзя ожидать, что Льюис и теперь меня выручит, но я ничего не могла с собой поделать.

Мак вопросительно подняла брови.

– Сколько вы уже вместе?

– Примерно полтора года, но он мне еще до этого долго нравился.

Она улыбнулась. Казалось, она искренне заинтересована. Интересно, а у нее есть любовная история?

– Где вы познакомились?

– Он друг моего брата, они в одной футбольной команде. Сначала он считал меня надоедливой младшей сестрой Генри, но потом мы подросли и он стал смотреть на меня иначе. По счастью.

– Надеюсь, ты вернешься к нему, – искренне сказала она и вышла. Я тоже на это надеюсь.

Воскресенье, 4 января (2009 года)

Мы с Керри и Рейчел хотели посмотреть видеофильм, и я пошла за ним в комнату к брату. Генри, как обычно, играл в «плейстейшн» с Льюисом. Я закатила глаза. Выстрелы так и грохочут, парни прилипли к экрану прямо как зомби! Вот же дурачье!

– Привет, Саммер, – Льюис посмотрел на меня и улыбнулся. В груди у меня что-то затрепетало, и я прикусила губу.

Не скажи какую-нибудь глупость.

– Привет, – я старалась казаться небрежной, хотя на самом деле была на седьмом небе от счастья. Льюис нравился мне целую вечность, а недавно он начал смотреть на меня как-то особенно. По крайней мере, так мне казалось. Я надеялась, что не вообразила это, хотя и была уверена на сто процентов, что все придумала.

В его светло-зеленых глазах, цвет которых подчеркивали темные, почти черные волосы, запрыгали искорки, и я растаяла. Он наклонил голову набок.

– Что для тебя сделать? – Ты мог бы меня поцеловать, например.

– Льюис, из-за тебя нас убили! – закричал Генри, недовольно глядя на друга. Можно было подумать, их на самом деле убили!

– А? – Льюис посмотрел на экран, где было написано «Игра окончена». О боже мой, его убили, когда он смотрел на меня… Так, остынь и перестань улыбаться как дурочка. Я заставила уголки губ опуститься. Но как же не улыбаться, если это лучший день моей жизни?!

– Виноват, – пробормотал Льюис и выключил «плейстейшн».

– Что тебе, Саммер? – раздраженно спросил Генри, все еще переживая из-за дурацкой игры. Да хоть что-нибудь.

Я подошла к полке с дисками и стала читать названия.

– Нужно страшное кино, – ответила я.

– Ты же не любишь ужастики, – удивился Льюис. – Или тебя заставляют смотреть?

– Да. Керри и Рейчел хотят провести вечер, прячась под подушками. Глупые девчонки. – Я лично терпеть не могла ужастики.

Льюис улыбнулся. На фоне загорелой кожи сверкнули белые ровные зубы. Ну почему он так хорош? Это несправедливо.

– Хотите посмотреть фильм здесь вместе с нами? – спросил Льюис.

Генри вскинул голову и нахмурился. О, старший братец недоволен!

– Что ты делаешь, Льюис?

Я не смогла сдержать глупую улыбку. Льюис хочет посмотреть фильм вместе с нами: что может быть лучше?

– Все равно играть надоело, – Льюис пожал плечами. Постойте, ему действительно надоело или он хочет побыть со мной? Парни говорят, что девчонок не поймешь, но ведь именно парни любят измываться над влюбленными в них девчонками.

– Супер! Пойду позову их, а потом фильм выберу, – тяжело вздохнул Генри и, что-то бормоча под нос, вышел из комнаты.

Вот же болван.

Льюис похлопал по кровати рядом с собой и улыбнулся. Сердце затрепетало. Ладно, может, дело и не в том, что он хочет провести время со мной. Стараясь скрыть нетерпение, я медленно подошла и села с ним рядом. Керри и Рейчел вбежали в комнату – в восторге оттого, что мы будем смотреть фильм среди разбросанных вещей в комнате Генри. Они мне все уши прожужжали о том, как

я нравлюсь Льюису. Как бы я хотела, чтобы это было правдой.

Чтобы все смогли поместиться на двуспальной кровати Генри, я придвинулась поближе к Льюису. Было довольно тесно, но, поскольку меня прижали к его боку, от тесноты я нисколько не страдала. На самом деле я жалела, что наши родители проявили мягкотелость и уступили Генри, который требовал двуспальную кровать. Надо было покупать полуторную.

– Включайте уже! – воскликнула я. На экране появилось название фильма, и сердце у меня упало. «Техасская резня бензопилой». Да, все гораздо хуже, чем я думала. Теперь я буду бояться и выставлю себя перед Льюисом полной дурой. Ну и отлично. У меня даже нет подушки, чтобы спрятаться. Я подтянула колени к груди и уперлась в них подбородком.

– Слушай, Саммер, Генри еще не нажал «воспроизведение», – пошутил Льюис, подтолкнув меня плечом. Я в ответ толкнула его в бок локтем, и он засмеялся. Краешком глаза я видела, как Керри, глядя на меня, приподняла бровь. О черт, если она что-нибудь скажет, я просто умру!

Фильм начался. Надо было спрятаться, но одновременно делать вид, что я не боюсь. Из всех возможных фильмов мой братец-идиот выбрал именно этот! Всякий раз, как на экране очередной безумец выскакивал из-за дверей, я дико визжала.

Примерно на середине фильма я осмелилась посмотреть по сторонам. Ничего особенного не происходило, но я знала, что до конца еще далеко. Почему людям нравятся такие фильмы? Надо быть совсем больным, чтобы получать от них удовольствие. На экране что-то грохнуло, и я снова уткнулась лицом себе в колени. К черту! Да, я маленькая девочка, и это меня вполне устраивает.

Вдруг что-то коснулось моей ноги, и я вздрогнула. Неужели это рука Льюиса? Дыхание перехватило. Такой способ забыть о фильме мне по душе. Вряд ли теперь имеет смысл прятать лицо. Я не смела взглянуть на Льюиса, но чувствовала, что он улыбается.

Я уже не могла сосредоточиться на фильме, поэтому подняла голову. Взгляни же на него. Боже, я действительно еще маленькая. Я хлопала глазами, и в этот момент Льюис посмотрел на меня.

– Все хорошо? – беззвучно спросил он одними губами, и я кивнула. А дальше было еще лучше: указательным пальцем он рисовал круги у меня на ноге. Ого! Кожу как будто покалывало там, где он прикасался.

– Бу-у! – вдруг заорал Генри. У меня сердце едва не выпрыгнуло из груди, и я с криком вскочила с места.

Какого черта!

– Да что с тобой, идиот?! – закричала я. Генри хохотал, уткнувшись лицом в одеяло. Льюис, Керри и Рейчел тоже смеялись, хотя, по-моему, от вопля Генри и они подскочили.

– Серьезно, Генри, меня едва инфаркт не хватил.

– Размазня, – он скорчил рожу. Я сердито на него посмотрела.

Я чувствовала рядом с собой вздрагивающее от смеха тело Льюиса.

– Черт, это было смешно, – сказал он, задыхаясь и продолжая смеяться.

– Да, обхохочешься, – саркастически ответила я. Сердце по-прежнему колотилось. Мой брат – гадина. Все они такие.

Наконец ужастик закончился, и Генри пошел вниз заказать на ужин пиццу – никто из нас не смог бы приготовить хоть что-нибудь, не спалив дом. К счастью, мама с папой оставили нам деньги. Родители должны были прийти еще не скоро, они ушли на ужин со скучным университетским другом отца и его не менее скучной женой.

Керри притворно закашлялась.

– Мне надо попить воды. Рейчел, идем со мной.

О боже! Неужели нельзя притворяться получше?! Я, глядя на Керри, широко раскрыла глаза, но она лишь невинно улыбнулась. Я была готова сквозь землю

провалиться.

Они вышли, и наступила тишина. Я пыталась придумать, что бы такое сказать. Но в голову лезла всякая ерунда.

– Молчишь, – констатировал Льюис.

– И ты тоже, – отозвалась я.

Он коротко рассмеялся и слегка пошевелился. Теперь он сидел ко мне лицом.

– Понравился фильм?

– Нисколечко.

– Малышка…

Я закатила глаза, а он улыбнулся своей обаятельной полуулыбкой. Внизу, у лестницы, разговаривали Генри, Рейчел и Керри, и я уже готова была сделать недовольную гримасу из-за того, что они возвращаются так скоро. Льюис закусил нижнюю губу.

– Я давно хотел это сделать…

– Сделать что? – спросила я. Он подался вперед и прижался губами к моим губам. Это продолжалось всего секунду. Сердце у меня билось так быстро, что, казалось, вот-вот разорвется. Льюис отодвинулся и посмотрел на меня. О бог мой! Льюис меня только что поцеловал! Я едва не потеряла сознание, но он держался как ни в чем не бывало: положил ногу на ногу и посмотрел на дверь. Как раз в это время вернулись остальные.

– Какую пиццу заказал? – спросил Льюис. Я не слышала ответа Генри. Мне было совершенно все равно. Я прикусила губу, чтобы скрыть улыбку, от которой у меня уже болела челюсть. Мы с Льюисом поцеловались, мы поцеловались! Черт, и что это их принесло назад так скоро?

6

Саммер

Воскресенье, 25 июля (настоящее время)

– Давай теперь вымоем посуду, – сказала Роза и хлопнула в ладоши, будто нам предстояло приятнейшее занятие. Я встала – надо же чем-то себя занять. Роза мыла кастрюли, пластиковые тарелки, ножи, ложки и вилки, я их вытирала, а Мак убирала в шкаф. Мы прибрались в комнате и побрызгали лимонным освежителем, от которого тоже щипало в носу. У меня накопилось множество вопросов, которые я хотела бы задать.

Наконец, закончив уборку, мы уселись на диван. Я спохватилась, что веду себя как одна из них, и, свернувшись калачиком, расплакалась. Я так всхлипывала, что у меня заболели легкие. Моя жизнь не может быть такой. Никогда еще я не испытывала столь невыносимого одиночества.

– Лилия, все будет хорошо, – сказала Фиалка, гладя меня по спине.

– Н-нет, не будет, – всхлипывала я еще горше. Слезы текли по лицу, колени промокли.

– Тихо, – пробовала утешить меня Роза. – Дыши глубже и успокойся. Ты не одна, Лилия.

– Нет, одна.

– Мы все с тобой, – добавила Мак.

Я глубоко вздохнула и попыталась успокоиться.

– Как он так может? – я утерла слезы, и контуры окружающих предметов обрели резкость. – Он сказал, что сегодня «пойдет прогуляться». Как он может творить

такое и оставаться нормальным в глазах окружающих?

Роза вздохнула.

– Он ведь не в бар пойдет, Лилия.

– Перестань звать меня Лилией, – отрезала я.

Роза не обратила на мои слова внимания, как будто я ничего не говорила. Впрочем, может быть, она меня не расслышала.

– Насколько я знаю, он не слишком общителен. Бо?льшую часть времени проводит на работе и здесь.

– Но что же тогда он будет делать сегодня вечером? – спросила я. – И откуда ты знаешь, чем он занимается, уходя из дому?

– Он очень откровенный человек. Его спросишь – дает прямой ответ. Но ты, пожалуйста, думай, что? спрашивать, – предостерегла меня Роза. – Клевер не любит определенных людей, и иногда он… – она умолкла, посмотрела вдаль и нахмурилась.

– Что?

– Он… избавляется от людей, которые причиняют вред.

Я открыла рот.

– Убивает их? – Нет, не может быть!

– Да. Избавляется. Во всяком случае, сам он расценивает это именно так. Проститутки причиняют вред. Вред семьям мужчин, которые прибегают к их услугам.

– Черт возьми, ты хоть слушай, что говоришь, – прошептала я. – Ты же его оправдываешь.

– Нисколько.

– Нет, оправдываешь. Послушать тебя, так он поступает правильно.

– Ничего подобного. И я его не оправдываю. Я просто пытаюсь объяснить его поступки, только и всего.

– По вечерам он убивает проституток? – Нет, это не может быть правдой. Наверное, он так говорит, чтобы припугнуть девушек и заставить повиноваться. Если бы у нас в городе убивали проституток, об этом сообщали бы в новостях!

Роза нахмурилась.

– По твоим словам выходит, что он убивает каждый вечер, но это же неправда, – сказала я.

«Откуда ты знаешь, что неправда? – пронеслось у меня в голове. – Точнее, непохоже на правду. Нельзя убивать каждый день так, чтобы тебя не поймали. Вот это уж точно».

Я сама удивилась, что так спокойно говорю и размышляю об этом. Разве не должна я визжать и царапать ногтями дверь, желая вырваться на свободу? Хотя надо ли мне беспокоиться о том, что я думаю, чувствую и как действую?

– Как же ему удается оставаться безнаказанным?

– Это же проститутки, Лилия. Большинство из них сбежали из дому от родителей или постоянно живут в одиночку.

Допустим, но все равно как может быть, чтобы этого никто не замечал?

– Он считает, что они нечисты, что потакают человеческим порокам, – продолжала Роза, взглянув на Мак и Фиалку. – Мы думаем, что с ним что-то случилось в молодости – иначе как в голову может прийти такое? Но мы никогда его не расспрашивали.

Разумеется, не расспрашивали. Жить-то хочется.

– И что он с ними делает? Скольких убил? – спросила я. С каждой секундой разговора я узнавала все больше невероятного. Клевер представлялся мне персонажем фильма ужасов.

– Не знаю, – ответила Фиалка.

– Это безумие. Полное безумие. Надо выбираться отсюда. Вместе мы сможем. Я в этом уверена, но необходимо действовать слаженно.

– Нет, Лилия, – сказала Роза строго, напомнив мне кое-кого из школьных учителей. – Не сможем. Выхода нет, так что выкинь из головы эти мысли. Ты просто не представляешь себе, на что он способен. Он не различает можно и нельзя. Он может быть очень… жестоким и неумолимым.

От этого предостережения у меня дрожь пробежала по телу. Жестокий и неумолимый. Я видела, как он накануне обошелся с Фиалкой, как разозлился и угрожал ей ножом. Может ли быть хуже и если да, то насколько? Я не хотела сдаваться, это не в моем характере, но мне стало страшно.

Роза глубоко вздохнула и встала с дивана.

– Сейчас уберусь в ванной, а потом посмотрим кино.

Утерев слезы, я вздохнула.

– Я не могу оставаться здесь. Мне надо домой.

Ну почему они не могут это понять?

Мак покачала головой и стиснула мне руку.

– Лилия, если бы это было возможно! Пожалуйста, не натвори глупостей, – она встала с дивана.

Ее слова крутились у меня в голове. Пожалуйста, не натвори глупостей. Я представила, как он подносит к моему лицу нож, и задрожала от ужаса.

– Какой фильм будем смотреть? – спросила Роза.

Фиалка пожала плечами.

– Какой-нибудь старый романтический, для девушек.

Неужели так будет повторяться каждый вечер? Мне стало трудно дышать, как будто на грудь давила тяжелая гиря.

Роза включила фильм и вместе с Фиалкой села рядом со мной на диван. Обе они сразу увлеклись происходящим на экране. Как они могут смотреть кино, зная, что Клевер сейчас охотится за какой-то несчастной девушкой?! Я представила, как она пытается вырваться из его рук. Ее сильно накрашенные глаза расширены от ужаса. Неужели он действительно убивает проституток? Он вполне мог ходить играть в бинго, а здесь рассказывать о своих убийствах, только чтобы запугать девушек, сделать их покорными своей воле. Сердце у меня защемило. Хотела бы я знать правду.

– А можно просто посмотреть телевизор? – спросила я, моргая, чтобы избавиться от образа жертвы, стоящего перед моим мысленным взором. Сообщат ли о моем исчезновении в новостях? Уже, наверно, сообщили.

Краем глаза я заметила, как Мак покачала головой.

– Нет.

Разумеется, нет. Мы буквально отрезаны от всего мира и полностью зависимы от Клевера. Не надо было мне выходить вчера вечером. Надо было слушаться Льюиса и родителей, лучше бы кто-то из них меня подвез. Всякий раз, как при мне дома заговаривали о том, что по вечерам ходить небезопасно, я отмахивалась и просила перестать говорить глупости. Теперь мне хотелось ударить себя кулаком за упрямство и самонадеянность. Я ничего не боялась, потому что наивно верила, что несчастья могут случиться с кем угодно, но только не со мной.

– Надо начинать готовиться к ужину, – сказала через некоторое время Роза и выключила телевизор. – Хочешь помочь, Лилия?

Саммер.

Как будто у меня есть выбор.

– Конечно.

А что еще делать, чтобы убить время? Уж лучше чем-то заняться, чем сидеть и все время думать. Я охотно вспоминала о близких, мысли о них уносили меня из подвала. Но иногда надо делать перерывы и заниматься чем-нибудь другим, чтобы отвлечься от мыслей о семье и о том, как мне ее не хватает. Что бы я ни отдала за возможность поговорить с Льюисом!

– Что вы мне поручите? – спросила я. Девушки уже все достали из шкафа и заполнили две кастрюли водой. Они действовали так слаженно, можно было подумать, что научились этому, работая бок о бок на кухне ресторана.

– Не почистишь морковь и картошку? – Мак дала мне пластиковый нож для чистки овощей, металлической у него была только середина. Он показался мне не особенно острым, но все же это открывало кое-какие возможности. Но можно ли таким ножом нанести достаточно серьезную рану? Зная, что за мной, скорее всего, наблюдают, я перестала разглядывать нож и взяла картофелину.

– Как думаете, удастся нам когда-нибудь отсюда выбраться? – спросила я, чистя ее.

Роза вздохнула, но мне показалось, что не печально, а, скорее, с досадой. Это из-за моих вопросов?

– Нет.

– А ты хочешь?

– Фиалка, не могла бы ты дать мне форму для духовки? – спросила Роза, будто не услышав моего вопроса.

Так, значит, нет. Мне стало так жаль Розу. Он действительно лишил ее воли. Она поставила курицу в духовку, делая вид, что не слышит меня, но я знала, что она обдумывает мой вопрос. Разве может быть, чтобы она не хотела отсюда выбраться?! Сознает ли она, что ей промыли мозги?

Я почистила овощи, положила картошку и морковь в воду и включила конфорку электрической плиты. Так много я еще никогда в жизни не готовила. Мама была бы потрясена и могла бы мной гордиться. Она бы даже потрогала мне лоб, проверяя, нет ли температуры.

Атмосфера в комнате изменилась. Казалось, воздух можно резать ножом, и я понимала, что это из-за моего вопроса. Девушки, опустив головы, сосредоточенно занимались каждая своим делом. Но кто-то должен был задать этот вопрос. А Розе следовало осознать, что поступки Клевера неприемлемы.

Глядя на закипающую в кастрюле воду, я покачала головой. Я помогала готовить ужин для него, но еще ни разу не готовила для Льюиса. Я вспомнила единственный раз, когда вызвалась приготовить ему ужин. Он тогда засмеялся и пошутил: мол, не хочет быть отравленным. Мое неумение готовить общеизвестно.

Приближалось время возвращения Клевера. Это было видно по тому, как девушки суетятся, проверяя и перепроверяя, все ли в подвале чисто. Сердце у меня учащенно билось. Мне вовсе не хотелось, чтобы Клевер спустился в подвал, но я почти ждала его появления, чтобы прекратилось это невыносимое ожидание.

Я подумала, что можно было бы сказаться больной, но отбросила эту мысль, не желая, чтобы он проверял у меня температуру. Просто ешь ужин и продержись до его ухода. Именно это мне предстояло проделывать дважды в день по будням и трижды по выходным. Пока меня не найдут.

Наконец в двери лязгнул ключ, этого звука я уже боялась. Руки задрожали, сердце едва не выпрыгнуло из груди. Фиалка улыбнулась мне, как бы говоря, что все в порядке. Но нет, все было далеко не в порядке.

– Добрый вечер, цветы, – сказал Клевер, улыбнувшись каждой из нас очаровательной улыбкой, которой как бы говорил: все это совершенно

нормально. Он казался таким дружелюбным, что ему нельзя было не верить – разумеется, пока жертва не оказывалась в подвале. Видимо, такая располагающая улыбка помогала ему избегать подозрений.

– Добрый вечер, – хором ответили девушки. Не спуская с него глаз, я стала сливать воду из кастрюли с картошкой.

– Почти готово?

– Да, уже раскладываем по тарелкам, – ответила Мак.

Я принесла на стол две тарелки, оставив остальное девушкам. Роза несла тарелку с широкой улыбкой на лице. Похоже, она любит подавать ужин своему психу.

– Тогда приступим, – бодрым голосом сказал он и принялся за жареную курицу.

Отчаянно стараясь не привлекать к себе внимания, я заставляла себя есть, но от каждого проглоченного куска желудок судорожно сокращался. Я смотрела в тарелку, делая вид, что ем. Мне только и надо было слиться с фоном и не привлекать его внимания. Я не могла расслабиться, пока он в комнате. Тело болело от напряжения.

– Как прошел день, Клевер? – спросила Роза.

– Пока все очень хорошо, спасибо. Я многое успел сделать. А у вас?

– Хорошо. Посмотрели несколько отличных фильмов.

А что нам здесь еще делать?

Он кивнул.

– Хорошо, дайте мне знать, когда понадобятся новые.

– Обязательно. Спасибо.

«Понимает ли Роза, что в его присутствии говорит так же, как он?» – подумала я. Они так сдержанно вежливы друг с другом. Это производит жутковатое впечатление.

– Мы тут думали, нельзя ли посмотреть какие-нибудь еще модели платьев. Хотели сшить несколько летних. – Что-то у меня в голове щелкнуло. Они шьют себе платья? Но для кройки нужны ножницы. У меня возник план. Как поэтично было бы, если бы он погиб так же, как убивал сам – от колотой раны!

– Не научите меня шить? – спросила я.

Клевер торжествующе улыбнулся, как если бы был уверен, что я наконец смирюсь с жизнью в подвале.

– Прекрасная мысль, Лилия! Не сомневаюсь, что Роза, Фиалка и Мак с удовольствием будут тебя учить, не правда ли, девочки?

– Конечно, – кивнула Роза. Сердце у меня запрыгало от забрезжившей надежды. План сам собой складывался в голове. Мне удалось съесть еще немного, и я почти вежливо улыбнулась Клеверу. Сил хватило. Играть стало проще, потому что забрезжил свет в конце тоннеля.

Я рассчитывала, что после ужина он сразу уйдет, но он взял Розу за руку и отвел в комнату, где я еще не бывала. Половина ее помещалась под лестницей, так что она не могла быть большой. Раньше я думала, что это чулан.

– Куда они ушли? Что там? – спросила я, глядя на закрытую дверь этой комнаты.

Мак понурила голову и прикусила губу.

– Это та комната, где он… – прошептала она, и ее глаза наполнились слезами.

– Что? Где он нас… – я умолкла, поняв, что имела в виду Мак. Кровь застыла у меня в жилах. Комната, где он нас насилует. Сейчас он закрылся там с Розой. Она пошла с ним охотно, без колебаний, в глазах у нее не было ужаса.

– Мне надо домой, – прошептала я, обращаясь скорее к самой себе, чем к Мак и Фиалке.

– Прекрати, Лилия. Никто тебя домой не отпустит. Чем скорее ты с этим смиришься, тем легче тебе будет. Поверь мне, пожалуйста, – сказала Мак.

Но я только и слышала, что бешено стучавший в ушах пульс. Черт!

– Нет. – Я села, силясь уложить в голове происходящее. Розу насиловали в нескольких метрах от меня. Но насилие ли это? Может быть, теперь она и сама хочет близости с ним? Он, конечно, не мог так промыть ей мозги, чтобы она его захотела. Я перевела дыхание. По щеке скатилась слеза.

– Лилия, – Мак положила руку мне на плечо, и я от неожиданности едва не подскочила. – Извини. Все в порядке? – я покачала головой, глядя невидящим взглядом в пространство. Я чувствовала себя опустошенной. Придет время, когда вот так же он захочет пойти в эту комнату и со мной. Переживу ли я это? Лучше умереть, чем подпустить его к себе. Но если я умру, то никогда не увижу Льюиса и свою семью. Или оставаться в живых в надежде на воссоединение с близкими, но быть изнасилованной, или умереть, не уступив ему, но так и не увидеться с любимыми. Я не могла выбрать ни то, ни другое.

Не знаю, сколько я просидела неподвижно. В комнате Роза и Клевер пробыли недолго. Дверь открылась, я быстро свернулась в клубок и утерла со щек слезы.

– Доброй ночи, цветы.

– Доброй ночи, Клевер, – сказали Мак и Фиалка. Я не могла говорить с ним. Я даже смотреть на него не могла. Тошнотворный ублюдок!

Роза включила телевизор и как ни в чем не бывало села на диван. Не было ни слез, ни каких-то еще признаков того, что он только что с нею сделал. Я не смела заговорить. Прижавшись к подлокотнику дивана, я опустила голову, так что волосы закрыли мне лицо и струившиеся по щекам слезы. Мне было жаль Розу.

Мы посмотрели фильм. Он закончился довольно поздно, и пора было ложиться. Я хотела спать. Скорее бы заснуть и отключиться от происходящего в подвале.

– Лилия, хочешь пойти в душ первой? – спросила Роза. Я кивнула. На самом деле я ничего не хотела.

– Хорошо.

Не тратя времени на разговоры, я взяла со своей кровати пижаму и пошла в ванную. Зачем я это делаю? Я принимала душ уже второй раз за день и на этот раз постояла под ним подольше. Горячая вода лилась по телу, смывая, как мне казалось, слой присохшей грязи. Почувствую ли я себя когда-нибудь снова чистой?

Зевая, я выключила воду и быстро вытерлась. Было всего десять часов вечера, но я ужасно устала. Мозг весь день работал без остановки, ему нужен был отдых. Странно, что я хотела поскорее заснуть именно здесь. Хотя, наверное, лучше проспать все время, пока я нахожусь в подвале.

По дороге из ванной в спальню я взглянула на лестницу, ведущую к выходу. Как же мне отсюда выбраться? В отличие от девушек, я верила, что это возможно, хотя понимала, что, действуя сгоряча, успеха не добьешься. Соверши я ошибку, он убьет меня не задумываясь.

Я легла в постель и натянула на голову одеяло – так меня совсем не видно. Закрыв глаза, я, как это ни глупо, попыталась мысленно связаться с Льюисом и молилась, чтобы он каким-то чудом услышал меня. Но, разумеется, из этого ничего не могло выйти.

– Пожалуйста, приди, – тихо плача, умоляла я Льюиса.

* * *

Меня разбудил громкий стук, а за ним – истошный крик. Кровь отлила от лица, сердце билось с перебоями. Что это? Я отбросила одеяло, подбежала к двери, где столкнулась с Мак. Она схватила меня за руку и втащила обратно в спальню.

– Что случилось? – прошептала я.

– Сиди здесь, не выходи. Он там хочет кое с кем поговорить, – Мак вышла из спальни вслед за Розой и Фиалкой и закрыла за собой дверь. Я осталась одна. Мягкий свет лампы едва освещал комнату. Мне хотелось включить все лампы сразу, чтобы стало как можно светлее, но я была слишком напугана, чтобы пошевелиться.

– Нет, нет, нет! – прокричал незнакомый голос, и я похолодела от страха. Кто это?

– Заткнись! – рявкнул Клевер, и сердце забилось у меня в горле. Я уже видела его кричащим, но на этот раз он кричал иначе – зло и яростно.

Что он делает? На кого кричит? Все стихло. Я повернула голову, чтобы лучше слышать происходящее за дверью, но не смела подойти к ней. Сердце колотилось в груди. И эта тоже останется с нами в подвале? Неужели она пытается сопротивляться?

Я облизнула сухие губы и стала ждать. Голосов Мак, Фиалки и Розы я не слышала, поэтому не могла понять, что они делают. Я хотела выбраться отсюда, поэтому мне надо было знать, что происходит.

Вдруг раздался треск, заставивший меня подпрыгнуть на месте, забраться в кровать, закрыться одеялом и уткнуться лицом в подушку. Так случалось, когда, оставшись одна дома, я слышала шум, но на этот раз шум был не у меня в голове.

– Заткнись! – снова закричал Клевер. Я представила себе его: выпученные глаза, красное злое лицо.

Свежевыстиранные простыни пахли лавандой, прямо как у бабушки. Я вспомнила, как совсем малышкой лежала посередине двуспальной кровати под пышной периной, укрывшись до подбородка. Я вдыхала запах лаванды, засыпая под сказку, которую читала мне бабушка. В мыслях я могла витать в облаках, но пронзительный утробный крик напомнил мне, где я нахожусь сейчас.

Он же не бьет ее? Нет, он не может, ведь Роза, Фиалка и Мак находятся в той же комнате. Они свидетели. Наверное, она пытается вырваться. Он хочет оставить ее здесь, а она сопротивляется. Все будет хорошо: он уйдет, а она останется здесь, с нами.

Но назойливый голос в глубине сознания повторял мне: если бы он хотел поселить сюда кого-то еще, то заранее приготовил бы еще одну кровать. А ведь все рассчитано на четверых. Для новой девушки нет места.

Ну и что? Может, он собирается поставить ей еще одну кровать.

Снова все затихло. Непереносимая тишина. Мне важно было понять, что происходит, что он делает и, что особенно важно, где он находится. Я не хотела, чтобы он вошел в спальню и увидел меня.

Оставь ее здесь и уходи. Когда он привел меня в подвал, просто толкнул вперед по лестнице и велел Розе все мне объяснить. Почему же он теперь не уходит? Я лежала совершенно неподвижно, прислушиваясь, и старалась сдерживать частое судорожное дыхание, чтобы не пропустить ни звука из-за закрытой двери.

Напряжение нарастало и становилось нестерпимым. Я вжала лицо в подушку. Сердце билось болезненно и часто, руки тряслись.

Вдруг раздался тупой удар вроде того, который мы услышали однажды дома, когда Генри, качаясь на стуле, упал на спину. Мы тогда все бросились наверх, думали, он потерял сознание или что-нибудь в таком роде. Но что же это было сейчас? Шум падения человеческого тела? Я начала тихонько скулить: мозг заставлял меня понять то, что я понимать не желала. Нет, все целы, просто что-то упало, уговаривала я себя. Через минуту я услышу, как дверь в подвал откроется и закроется, и тогда девушки вернутся в спальню с той, которая сейчас с ними.

Как я и предполагала, дверь в подвал открылась и с тихим скрипом закрылась. Вот сейчас они войдут в спальню. Кому-то придется спать вместе с новой девушкой, ведь отдельного места для нее пока нет.

Дверь спальни открылась, я рывком села и прижалась спиной к спинке кровати. Фиалка, это всего лишь Фиалка. Она улыбнулась, но глаза оставались грустными.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Нет. А ты?

Она вздохнула и отвернулась. А где Роза, Мак и новенькая девушка?

– Лилия, ты не такая, как Роза и Мак. Они сдались, а ты – нет. И я тоже не сдалась.

Я нахмурилась. К чему это она, и что вообще произошло за дверью? Я слышала, как из крана течет вода, как открывают шкафы на кухне.

– Что это? – тихо проговорила я, пытаясь представить себе, что происходит в гостиной.

– Я больше не могу этим заниматься, – она забралась в постель, повернулась к стене и накрылась покрывалом с головой. Я хотела было спросить ее, что она имеет в виду, и узнать, все ли с ней в порядке. Но вдруг услышала из гостиной такой звук, будто по полу возят тяжелой мокрой тряпкой. Потом послышалось шипение пульверизатора: кто-то щедро разбрызгивал то самое дезинфицирующее средство с колючим лимонным ароматом. В носу сразу защипало, глаза заслезились.

– Фиалка, что они там делают? – прошептала я, расширив глаза и нервно теребя покрывало. Она не ответила, только глубже зарылась в постель и подтянула колени к груди.

Я медленно и глубоко вздохнула и уставилась на дверь. Что они там делают?

Саммер

Среда, 28 июля (настоящее время)

Я здесь уже четыре дня, и все они похожи друг на друга. По утрам мы принимаем душ и готовим завтрак. Днем убираемся, читаем и смотрим фильмы. О шитье платьев я больше не слышала и не хочу заводить разговор на эту тему, чтобы не вызывать подозрений.

Лучше всего здесь в будни, хотя слово «лучше» вряд ли подходит: если есть лучшее, должно быть и хорошее. «Лучше» – это потому, что по будням мы видим Клевера только утром и вечером.

По воскресеньям он уводит в комнату под лестницей Розу, по вторникам – Мак, а по средам (сегодня как раз среда) – Фиалку. Я знаю, настанет время, когда он и мне назначит определенный день, но я пока не решила, не лучше ли перед этим покончить с собой. Или день уже назначен? Девушки, наверное, в курсе, какой день отведен для Лилии, но я не хочу об этом знать. Не хочу ничего об этом знать! Может, как-то отключить сознание, пока меня не найдут, и таким образом выжить? Поверить не могу, что должна думать о таких ужасных вещах.

До сих пор, если не считать нескольких вежливых обменов репликами, он своего интереса ко мне никак не проявил. Надеюсь, так будет и дальше.

Мак рассказала, что он не любит неопрятность, любит четные числа и все то, что можно выстроить в ряд. Никто из нас не говорил о том, что случилось несколько дней назад. Знаю только, что в подвале мы по-прежнему вчетвером.

Вчера Фиалка сказала, что хочет выбраться отсюда. Она вошла в спальню, когда я готовилась ко сну, и, пока Роза и Мак протирали напоследок столы на кухне, которые и без того сверкали чистотой, Фиалка повторила, что «не может больше этим заниматься». Эти же слова она произнесла в тот вечер, когда что-то случилось. На этот раз в ответ на мой вопрос, что она имеет в виду, она сказала, что «ей надо» выбраться отсюда. Именно так: не «хочу», а «надо».

С тех пор я пыталась поговорить с ней наедине, но выбрать для этого время трудно: постоянно рядом Роза и Мак. Сегодня утром я вышла из ванной, и Фиалка, проходя мимо, шепнула, что мы сможем поговорить во время приготовления обеда.

Я сидела на диване, глядя, как Роза и Мак, собираясь что-то готовить, достают продукты из холодильника. Фиалка была в спальне, но я не знала, надо ли мне пойти к ней или ждать, пока она сама меня позовет. Что вызовет меньше подозрений?

Сердце у меня стучало. Не терпелось услышать то, что она хочет мне сказать. Возможно, у нее созрел план, но я боялась, что нас подслушают и это все погубит. У нас есть только одна попытка. Если он узнает о наших намерениях, следующую попытку он сделает невозможной. Нельзя допустить, чтобы он предпринял что-то для предотвращения нашего побега. Я все еще надеялась, что он случайно оставит дверь из подвала незапертой.

Роза и Мак суетились на кухне, одна посыпала тертым сыром кусочки хлеба, другая поставила на плиту сковороду. Значит, у нас сегодня гренки с сыром. Дверь спальни открылась, показалась голова Фиалки.

– Кто-нибудь, помогите причесаться, пожалуйста, – она потянула себя за длинную черную прядь.

Это был сигнал мне. Я поднялась с дивана.

– Я помогу, – сказала я и с невинной улыбкой взглянула на Розу и Мак. Пусть считают, что, желая помочь, я просто стараюсь вписаться в их компанию.

Ни одна не сказала ни слова, каждая была занята своим делом. Я расслабилась: они как будто ничего не заподозрили. Я вошла в спальню, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Фиалка собрала волосы в опрятный конский хвост.

– Сегодня вечером, – сказала она. – Мы выберемся отсюда сегодня вечером.

Широко раскрыв глаза, я смотрела на нее в потрясении. Я, конечно, знала, что она хочет выбраться отсюда, но думала, у нее будет тщательно продуманный план, а не просто «давай попробуем сбежать».

– Как сегодня?

Она перевела дыхание, глаза у нее поблескивали.

– Я больше не могу этим заниматься, Лилия, – прошептала она, повторив слова, которые я уже дважды от нее слышала. От звука ее голоса у меня по спине побежали мурашки. – Я не могу отгородиться от этого, как они, – сказала Фиалка, кивнув в сторону Розы и Мак, хлопотавших на кухне. – Они сильнее меня и находятся здесь дольше. Мак твердит, что я научусь жить здесь, но разве это жизнь? «Будь Фиалкой», – говорит она мне. Все это происходит с Фиалкой, а не с Дженнифер. Но я больше так не могу, не могу отключиться от того, что здесь творится. Сегодня вечером мне придется уйти. – Уж не потому ли Роза и Мак твердят мне, чтобы я смирилась с тем, что я Лилия? Чтобы я забыла Саммер. Может, они думают, это поможет пережить то, что мне предстоит? Наверняка именно поэтому они никогда не называют друг друга своими настоящими именами.

– Сегодня вечером, – повторила Фиалка.

Перед тем, как он в очередной раз ее изнасилует.

– Сколько раз он водил тебя в ту комнату?

Она уставилась в пол и часто заморгала. Потом взяла себя в руки и взглянула на меня.

– Три. Четвертого раза я не допущу.

– Сколько ты уже здесь? – Фиалка оставалась единственной, кого я еще не успела расспросить о прежней жизни. Сама она никогда о ней не говорила.

– Чуть больше полугода. – Значит, у меня есть еще около полугода. – Мы познакомились у магазина «Топ Шоп». По-видимому, там же он познакомился и с

двумя-тремя другими. По крайней мере, так говорит Роза. Там есть навес, из-за которого это место стало любимым для бездомных.

Я побарабанила пальцами и прикусила губу. Наконец она заговорила со мной начистоту.

– Как ты… оказалась здесь? – спросила я, надеясь, что Фиалка не замкнется в себе.

– Он предложил угостить меня кофе. Пригласил в кафе, которое работает в городе допоздна. Но до кафе мы так и не добрались.

Черт! Значит, он сперва заманивает девушек и только потом похищает. Меня он просто запихнул в фургон.

– Сочувствую.

– Я раньше думала, что жизнь на улице с ее опасностями, холодом и одиночеством – худшее, что есть на свете. – Фиалка невесело рассмеялась. – Как же я ошибалась!

Я хотела спросить, как она оказалась на улице, но ее глаза наполнились слезами, и она стиснула кулаки. Казалось, она вот-вот расплачется.

– Как ты думаешь выбраться отсюда?

Ее поза сразу изменилась. Она как будто стала выше ростом, взгляд сделался деловитым.

– Нам нужен ключ. Он держит его в левом кармане. Я несколько раз видела, как он кладет его туда, спускаясь по лестнице. Я ударю его по голове вазой. – И она злобно засмеялась чему-то. Чему, я не поняла. – На всякий случай у меня есть вот что. – Она достала из кармана ножницы. Они были гораздо меньше, чем я себе представляла – лезвие длиной всего с мой большой палец. Резать ткань такими, конечно, неудобно, но Клевер, по всей видимости, не хотел давать нам ничего слишком большого и острого. Ничего другого у нас не было.

– Хорошо, – прошептала я. Хотя чувствовала, что все это совершенно не продумано. Фиалка руководствуется эмоциями. Но ведь меня он еще не изнасиловал, поэтому не мне ее судить и останавливать.

– Когда он будет в комнате, подойди к лестнице. Я ударю его по голове и схвачу ключи. Он упадет, а ты беги как можно быстрее вверх по ступенькам. Я буду у тебя за спиной. Должно получиться. Я больше не могу это выносить и не хочу, чтобы ты это терпела. – Фиалка покачала головой. – Пусть уж здесь будут потерянные для общества женщины, но не дети. – Я нахмурилась. В отличие от нее, я не считала себя ребенком. Она сказала это так, будто помимо похищения, изнасилования и принудительного удержания похищенных у себя в подвале Клевер нарушил еще какой-то закон. С юридической точки зрения я несовершеннолетняя, но уже не в том возрасте, который грозил бы Клеверу осуждением за педофилию. В подвале мой возраст не имеет никакого значения. И без этого все, что здесь происходит, противозаконно.

Я глубоко вздохнула.

– Хорошо, я побегу к двери.

Она едва заметно улыбнулась.

– Ну и умница. Значит, решено. – Решено? Вряд ли. У меня сосало под ложечкой. Именно к этому ощущению, по словам отца, следовало прислушиваться, принимая решение. Именно оно побудило меня на экзамене вернуть взятый билет и взять другой, который, как оказалось, я знала. Но сейчас на карту поставлено нечто куда более важное, чем переход в следующий класс.

– Ну все, идем на кухню. Они вскоре закончат и удивятся, что мы тут так долго. – Она вышла из комнаты. Мне хотелось втащить ее обратно. Нам еще так много надо обсудить! Предусмотреть ситуацию, если что-то пойдет не по плану, обдумать несколько возможных сценариев – например, что Роза и Мак попытаются нас остановить.

Фиалка оставила дверь открытой. Я смотрела, как она уверенно идет по комнате и начинает разрезать гренки, которые Роза выложила со сковороды на разделочную доску. Притворяться у Фиалки получалось лучше, чем она думала.

* * *

Когда он начал спускаться по лестнице, мне стало нехорошо. Если Фиалка права, ключ сейчас у него в левом кармане. Мое спасение находится в нескольких метрах, но в кармане психа. Фиалка выразительно на меня посмотрела и слегка кивнула. Она должна была ударить его вазой по голове и взять из кармана ключи. От меня требовалось только подняться по лестнице в ту же секунду, как он упадет.

Я охотно усложнила бы свою роль, но считала, что Фиалке видней. Раньше я думала, что могу защитить себя, но уже успела убедиться в своей наивности, поэтому теперь полагалась на суждения Фиалки и во всем ее слушалась. У меня сводило живот. Я боялась, что наш план не удастся, а второй возможности завладеть ключами не представится.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Ченнинг Татум – американский актер, продюсер, модель. Широко известен по роли звезды танцпола в молодежном романтическом фильме 2006 года «Шаг вперед» (Step Up). – Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/preston_natasha/podval

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити